The book cover features a dark, textured background with a grid of thin black lines. Scattered throughout are various small, hand-drawn yellow and white objects, including circles, squares, and rectangles, some with internal details like dots or lines. In the center, there is a rectangular area with a black and white checkerboard pattern.

Татьяна
Соломатина

Колтуна,

студенческий роман

Татьяна Соломатина

Коммуна, студенческий роман

«Автор»

2011

Соломатина Т. Ю.

Коммуна, студенческий роман / Т. Ю. Соломатина — «Автор», 2011

Забавный и грустный, едкий и пронзительный роман Татьяны Соломатиной о «поколении подъездов», о поэзии дружбы и прозе любви. О мудрых котах и глупых людях. Ода юности. Поэма студенчеству. И, конечно, всё это «делалось в Одессе»! «Кем бы он ни был, этот Ответственный Квартиросъёмщик... Он пошёл на смелый эксперимент, заявив: «Да будет Свет!» И стало многолюдно...» Многолюдно, сумбурно, весело, как перед главным корпусом Одесского мединститута во время большого перерыва между второй и третьей парой. Многолюдно, как в коммунальной квартире, где не скрыться в своей отдельной комнате ни от весёлого дворника Владимира, ни от Вечного Жида, ни от «падлы Нельки», ни от чокнутой преферансистки и её семейки, ни от Тигра, свалившегося героине буквально с небес на голову...

© Соломатина Т. Ю., 2011

© Автор, 2011

Содержание

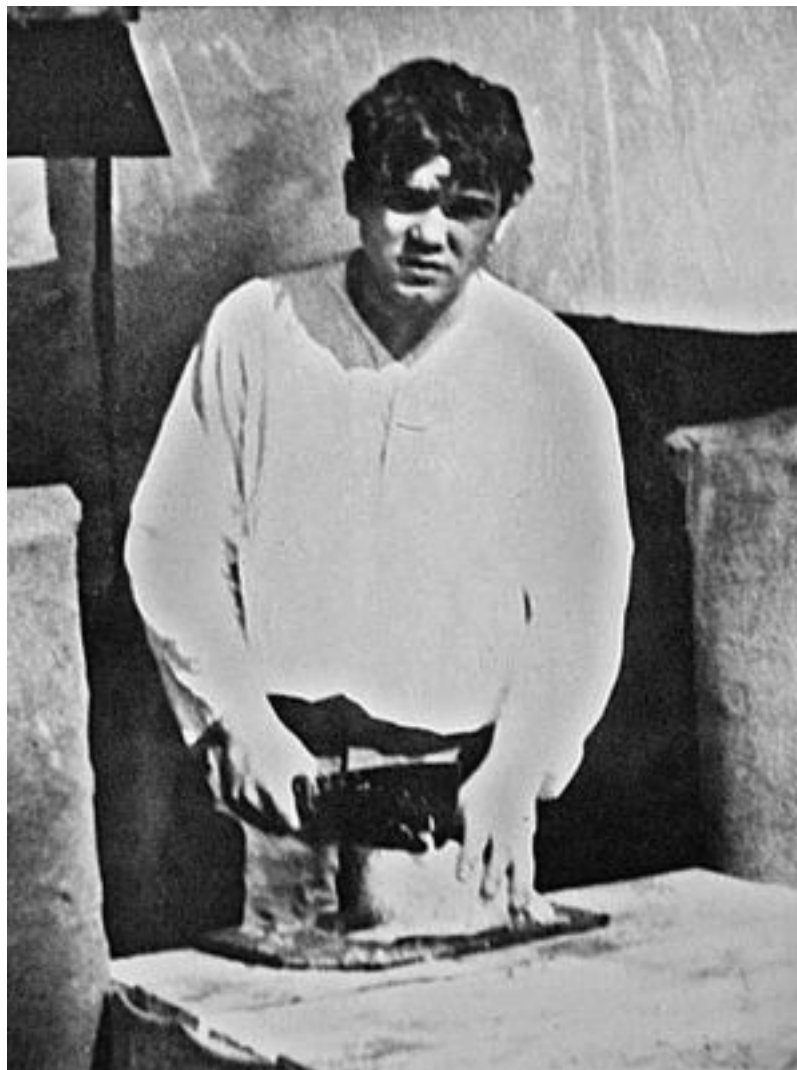
Пролог	6
Подъезды	7
Полина	18
Дверь	27
Студенчество. День первый	28
Коридор	35
Колхозное	40
Танька Кусачкина	50
Звеньевая	55
Комната	62
Полевой стан	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Татьяна Соломатина

Коммуна, студенческий роман

*Неумолимо стелется прибой,
Врезаясь клином в мол на страже берега.
Над лунною дорожкой немой
Кольцо небес в сиянье берега.
Ветров так долгожданная прохлада...
Среди огней вдали ночного града
Подарен нам случайный фейерверк.
И хмель, вливаясь в кровь души, навек
В ней остаётся чудом голограммы.
**Одесса, Монастырский пляж, ночь, июнь какого-то из девяностых
годов двадцатого века***

Светлой памяти Александра Цыганюка

Пролог

Бог особо не напрягался, создавая нас.

Нас, родившихся в середине восемнадцатого века наследных принцев и потомственных нищих или на излёте двадцатого столетия – «дворников и сторожей» с замашками аристократов и обувью каторжан.

И у Капетингов, и у Рюриковичей, и у рабочих-крестьян-прослойки ранение крупных магистральных сосудов приводит к одному и тому же статистически достоверному результату. Бледная спирохета абсолютно одинаково воздействует на спинномозговые жидкости святейших монархов и обозных девок, вождей мирового пролетариата и люмпенов. Шарф, туго и резко затянутый на тонкой шейке изящной танцовщицы, механизмом воздействия ничем не отличается от «пенькового галстука», сдавливающего мощную выю пирата времён маркетингового освоения Великих географических открытий, – даже хруст шейных позвонков неотличим «на слух».

Мы одинаково мёрзнем, когда нам холодно, и потеем, когда жара. Мы расчёсываем комариные укусы, обгораем на солнце, испытываем жажду и не можем слишком долго обходиться без сна. Вряд ли среди нас найдётся хоть один индивидуум, получающий удовольствие от чесотки. Или испытывающий дискомфорт, нежась после джакузи с солью Мёртвого моря на свежем льняном белье. Мы можем предпочитать бисквит горчице, свинину морковке, шурпу фруктовому салату, аромат хорошего коньяка навозному духу, но у нас одинаково устроены вкусовые и осязательные рецепторы, да и ольфакторные тракты созданы по единожды утверждённому техническому заданию. Мы созданы по образу и подобию нас самих, так же как они – по образу и подобию соответствующей теоремы. Мы подобны богам, потому что те не смогли придумать ничего лучшего.

Нам кажется, что мы так по-разному любим, но видимость разнообразия побед и поражений на фронтах подобного рода отношений призрачна, а описания тактик и стратегий, наработанных за последний миллион лет, вполне уместятся в брошюрку карманного формата.

Встречаясь, мы пожимаем друг другу руки, целуемся, обнимаемся. Или отводим взгляд и спешим сделать вид, что очень заняты беседой и исследованием траектории движения пузырьков в бокале шампанского. У всех у нас бывают взлёты и падения, приступы мизантропии и припадки влечения друг к другу. «Дизайн» наших архетипов чуть разнообразнее «архитектуры» наших тел. Но отверстие в полу дощатого нужника деревни Северное Кретинищево и пафосный итальянский унитаз особняка на юге Франции несут одну и ту же конструктивно-функциональную нагрузку. Проверено.

Кем бы он ни был, этот Ответственный Квартиросъёмщик, ставя на полку очередной том домово́й книги Планеты, он старался делать нас очень похожими. Вероятно, потому, что ему были нужны не просто жильцы, а дружная семья под озоновой крышей. И ещё – для того чтобы нам было не очень сложно уживаться друг с другом. Вызвано это было наверняка самыми лучшими побуждениями, исполнено в чётком соответствии с графиком финансирования, и форс-мажоры казались априори невозможными. Полагая, что мы будем петь хором в ванной, одинаково сильно любить друг друга, а также собак всех пород, давать кров бездомным котам всех мастей, не обижать никакую птаху малую и никогда не нарушать условия технической эксплуатации самих себя и, тем более, себе подобных, Он пошёл на этот смелый эксперимент, сказав: «Да будет Свет!»

И стало многолюдно.

А также – газ, вода, телефон и...

Подъезды

«Мы – поколение подъездов.

Не тех, которые парадные или к имениям. Дворянские имения или купеческие особняки – это из книг и, вообще, уже давно через холщовые экскурсионные тапочки. Вот подъезды!.. Парадные... «Ты в какой парадной живёшь?» – «В самой зассанной!» Смысл слова «парадная» зассан уже давно. Так что подъезды – это уже давно не дороги, а в парадных не так уж парадно. Подъезды – это совсем другое. В подъездах мы, маленькие глупыши, постигали азы начальной анатомии, показывая друг другу «письки». Позже обучались несложной игре в три аккорда на струнном инструменте с женской фигурой и незамысловатому вокалу. Первым неумелым поцелуям и неловким, суетливым объятиям. Там же – первая сигарета как протест против неизвестно чего и первые же пустяковые беспричинные слёзы, уже чем-то похожие на взрослые «библейские» страдания. Там, в подъездах, мы по запаху определяли, что сегодня на ужин у соседей, кто последний выводил на прогулку собаку, сколько котят родила кошка Ларисы Абрамовны и будет ли сегодня скандал у четы Юшиных.

Мы – дети подъездов. Нам известны все вертикали и горизонтالي бытия.

По вертикали – маразматичка Матильда Павловна забивала канализацию мелко нарезанными арбузными корками. По горизонтالي – звучала прекрасная музыка, извлекаемая Валентином Иосифовичем из рояля «Беккер», невесть откуда взявшегося в его нищенской обстановке. Мы знали, где выменять на бутылку портвейна «Проклятых королей» Мориса Дрюона: у Васьки из третьего подъезда. В прошлой жизни он был Василием Николаевичем, преподававшим филологию в университете. Приняв стакан принесённых нами «чернил», купленных на сэкономленные карманные, он читал наизусть прекрасные слова хорошо поставленным голосом профессиональных конференсье и лекторов.

«Москва – Петушки».

Москва будоражила воображение. Петушки представлялись красными леденцами на палочке – цыгане продавали такие по пять копеек у одесского зоопарка по выходным. Мама не разрешала их покупать ни в коем случае, потому что они сделаны в неведомых «антисанитарных условиях». И оттого этот фигурный конгломерат жжёного сахара, невесть чем кроваво-прозрачно окрашенный и плотно насаженный на занозистую крепкую деревянную спицу, становился ещё более желанным. Так же будоражающим чувственность, как непонятные «антисанитарные» слова, произносимые Васькой:

– А Семёныч, между нами говоря, редчайший бабник и утопист, история мира привлекала его единственно лишь альковной своей стороною¹.

...когда он торжественно передавал нам синюю толстую книгу с генеалогическим древом французских королей на развороте. Неизвестный Веничка казался придурком. А смысл понятия «любовь» был далёк от нас, двенадцатилетних, как абсент от «Слезы Комсомолки», интеллигентный доцент-филолог Василий Николаевич от опустившегося алкаша Васьки, а задрипаный полоумный старик Валентин Иосифович от прежде всесоюзно известного пианиста В. И. Светковича.

Нам не хотелось искусства. Мы жаждали безыскусности простых вещей: любви, ненависти, заговоров, драк и победы очевидно-мудрого, умеющего выждать нужный момент добра над хитросплетениями глуповатого несдержанного зла. Капетинги, Бурбоны и Валуа с «антисанитарными» мизансценами от французского беллетриста привлекали нас куда больше «Клима

¹ Венедикт Еврофеев. «Москва – Петушки». «ВАГРИУС», 2000.

Самгина». Хотя язык «буревестника» казался неоспоримо и однобоко величественнее и могущественнее запутавшегося в стилистических изысках неоднозначного Набокова, какие уж там галлы! Тогда. Не сейчас. Хотя а что изменилось сейчас? Возможно, пройдёт немало времени, и когда мы будем совсем старыми – лет, скажем, сорока, – мы и на «Защиту Лужина» посмотрим совсем иначе. Да и на самого Набокова. Кто запутан в несчастьях, а кто счастья так и не смог достичь – станет наверняка понятно много позже. Хотелось бы верить, что станет понятно. И не ради риторического выпендрёжа друг перед другом, не для того, чтобы уделять оппонента софистикой, доведённой до совершенства, а на самом деле – просто понятно. Другое дело Дрюон – тот же Дюма, но с откровенными сценами почти группового казалося что секса, совмещённого с разработкой планов захвата власти в стране, так же далёкой от нас во времени и пространстве, такой же недостижимой, как Атлантида.

Сколько твоих знакомых бывали во Франции? Тётя Вера. Что тётя Вера знает о Капелтигах? Ничего. Но она видела Эйфелеву башню, которую не видел ни один из династии, зачатой Гуго Капетом. По крайней мере, царствовавшей. Потому что вполне возможно, что где-то прямо сейчас по улочкам Парижа бродит какой-нибудь странный юноша и носит в своей ДНК обломки того самого Гуго. Или даже не там. А вот здесь, за углом звонит из телефона-автомата девушке из рода потомственных Дрищенок. И вообще, они друг другу кузены – через клан Иванопуло...

А тётя Вера была в «Мулен Руж»! Но говорила об этом только шёпотом и только сильно приняв на грудь. Более всего её потрясло в этом, как она выражалась, «вертепе» то, что мужчины, сидящие за столиками, кажется, вовсе не реагировали на демонстрацию обнажённой женской плоти и были более увлечены друг другом, нежели почти голыми девушками, лихо выплясывающими на сцене. Забавно. Она так смачно об этом рассказывала, что дядя Валера заявлял, что у него «встаёт», а тётя Надя грустно шутила, что лучше бы у него вставало не на рассказы, а на действительность. В Танькином доме никто и никогда не выгонял детей из-за стола. В отличие от собственного, где было табуировано всё. Разве что кроме мультфильмов.

И в этом же «отчем доме» – всего лишь квартире, конечно же, – дурацкий псевдоэротический фарс «Баня», упавший на голову с родительского шкафа, когда мы прыгали в запрещённые для квартирного пользования уличные «резиночки». Пошлость, кишащая густо-телесным, вызвала не только гомерический хохот девчонок, но и вполне видимые изменения в штанах мальчишек-подростков. Смешно. Смешно и гадко. И жалко. Жалко всех – и родителей, и детей. Жалко даже жалкие штаны. Потому что в человеке всё должно быть красиво. Не этому ли учил Чехов, вдалбливаемый нам в голову учителями русской литературы? И одежда! Да-да, и одежда!

Мы все и были смешными, гадкими, жалкими детьми. Маленькими дурачками. Но мы выросли...»

Полина споткнулась.

«...выросли во взрослых дур и дураков!» – сердито додумала она, внимательно рассматривая носок сапога. «Слава богу, не поцарапала! Это же сапоги твоей воплощённой мечты! Исключительно для особо торжественных случаев. Потому что очень трудно достать красивую одежду, чтобы всё в тебе было красиво. А не только лицо и мысли. А ты тут, кстати, думаешь всякую некрасивую никчёмную ересь и совершенно не смотришь под ноги!»

Так, или примерно так, размышляла Полина Романова, одна из главных героинь нашего студенческо-коммунального сумбура. Такого, знаете ли, где главные герои молоды, где кто-то проживает постоянно, а кто-то на время поселился. К кому-то гости зашли и мимо постоянных жильцов пробежали к временным (выпив по дороге со случайными) – и растворились навсегда.

Сумбура, выписанного не по правилам, в полном несоответствии с графиком дежурств по коммунальной писательской кухне. Такого, в котором иные сюжетные линии вылизаны и блестят, как плита идеальной хозяйки, а прочие чем-то похожи на захламлённый балкон несчастной одинокой старухи. Сумбура, напоминающего жизнь. Но жизнь – не план-график, а божественный промысел, и никому, кроме Ответственного Квартиросъёмщика, не дано знать, почему и зачем, чёрт возьми, в коридоре на стене висит этот пыльный медный таз! Возможно, для того, чтобы кто-то когда-то сварил в нём, наконец-то, айвовое или вишнёвое варенье. Или для того, чтобы этот таз упал на голову злоумышленнику. А может, просто висит себе и висит – элементом «винтажного» декора, и думать о нём все забыли, но пыльный медный таз не перестал от этого быть тем, чем он был, есть и будет, – медным тазом.

Нашей главной героине едва минуло восемнадцать лет, но временами она казалась себе очень взрослой. Даже чаще всего. Интересно, есть хоть кто-то, не казавшийся себе в этом возрасте очень взрослым и очень умным? Кто же теперь правду скажет!

Вряд ли Полина имела хоть малейшее отношение к последней русской императорской династии. Романовых на планете чуть меньше, чем Ивановых-Петровых, но всё-таки куда больше, например, Рюриковичей. Если вы пороетесь в своих родственниках-друзьях-приятелях и знакомых ваших знакомых, среди них наверняка обнаружится какой-нибудь Вася Романов. Но вряд ли будет Коля Капет или Ваня Рюрик. Так что в имени Полина Романова нет ничегошеньки необычного. Во всяком случае, для русского слуха. Листая в детстве телефонный справочник в серой дерматиновой обложке, лежащий рядом с телефоном в доме родителей, Поля обнаружила, что Романовых там целых полторы страницы. И ещё несколько – Романевичей, Романковичей, Романовичей, Романовских и даже один Романсихер.

Полина тогда, листая справочник, и понятия не имела, какова фамилия русского царя. И даже не предполагала, что у царя может быть фамилия. Потому что период интереса к телефонному справочнику совпал – по возрасту – со сказками о царе Горохе. И девочка решила, что царям фамилии не положены – только прозвища. И хотя жила она в Одессе – городе, входившем в состав УССР², – не знала, что «призвыщэ» – это украинскою мовою и есть «фамилия». Так что, как и почему она была Романова – неизвестно. И уже, вероятно, никогда не будет. Потому что Полине Романовой это было неинтересно даже тогда, когда ей стало известно, что и у царей есть фамилии – см. того же Дрюона. Колода, безусловно, тасуется причудливо. Куда причудливее, чем даже самая буйная фантазия может себе вообразить, и ни фамилии, ни попытки раскопок родословной тут совершенно ни при чём. Потому и мы, вслед за Полиной, не будем тратить времени зря.

В начале нашего повествования на дворе стоял исток конца века двадцатого. Если Полине сейчас восемнадцать, то это, надо полагать, плюс-минус тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год от Рождества Христова. Или, как принято было говорить в описываемый период, «нашей эры». Ах, как правы были эти атеисты – наша эра – эра Христа. До его рождения была не наша эра. Так тогда и писали в книгах по истории и мифологии: «Такой-то год до нашей эры». Потом снова переверстали на «до Р. Х.». Но к нашей истории летоисчисление, равно как и его особенности, не имеет никакого отношения (почти), потому что с тех пор, как атланты вымерли, люди совершенно не менялись, как бы им ни хотелось верить в обратное.

Или не вымерли? Вам не кажется иногда, например во время грозы, что

*Прозрачные ходят гиганты
По улицам наших снов.
И ищут следы атлантов*

² Для юношества: Украинская Советская Социалистическая Республика.

Средь множества просто следов.

*Они наступают босыми
Ногами на зыбкий покров
Земли, простирая длани
Над сумерками городов.*

*Их дети играют с нами,
Не зная про наши сны.
И молнией падает пламя
На стёртые ливнями дни.*

Полине очень сильно нравилась гроза. Во всяком случае, в детстве. Особенно на пляже. Гроза на пляже – это прекрасно. Все бегут, накрывшись подстилками, а ты остаёшься и подставляешь лицо хлёстким струям и после долго смотришь на песок, весь в следах... Не детей ли атлантов? И, насмотревшись, наступаешь. Босой ступнёй на зыбкий покров чуть подсушенной солнцем шагреней. Чуть нежнее хрупкости безе. Это изысканнее шероховатости масляных мазков. Это...

Впрочем, не важно. Во-первых, неизвестно, задерживались ли вы во время грозы на пляже или бежали вместе со всеми, накрывшись своей подстилкой, куда-нибудь, где можно укрыться от воды. Хотя непонятно, какой смысл укрываться от воды, будучи уже насквозь мокрым. Во-вторых, не все выросли у моря, что тоже немаловажно. А детские впечатления – не суть впечатления взрослых, увы.

Полина была юна. А любой юности, из какого бы детства она ни произошла, во все века, в любых городах и весях свойственно иметь богатый жизненный опыт, а также мыслить масштабами поколений. И переживать из-за новых сапог для особо торжественных случаев. Особенно из-за сапог, если ты так живёшь в Одессе, где кое-что было и в восьмидесятых годах двадцатого столетия. Если были деньги. У Полины денег в достаточном для того, чтобы всё было красиво, количестве не водилось. И, соответственно, не водилось в таких же – достаточных – количествах приличных сапог для особо торжественных случаев.

А случай, надо отметить, простите, особо, был самый что ни на есть торжественный. Тётка Полиного отца – Валентина Александровна – вышла на пенсию и уехала жить в небольшой поволжский городок под Казанью, где она родилась и выросла. Свою комнату в коммунальной квартире родственница оставила Полине. Этот шаг был вызван не столько благородством и щедростью, сколько застарелой враждой с матерью своей внучатой племянницы. Матушка Полины Романовой была категорически против самостоятельного проживания отроковицы, и, соответственно, как же «тётка Валька» могла себе отказать в этом маленьком удовольствии – прописать на свою жилплощадь дочь сына сестры. Тем более своих детей и, следовательно, внуков у неё так и не случилось, и, не впиши она туда Полю, комната наверняка досталась бы одному из соседей и, как всегда, – «не тому». Или не той. Досталась бы эта комната – к гадалке не ходи – самой ненавистной соседке. То было давнее и многогранное противостояние, куда там Междоуцарствию с его далёкими от нас перипетиями.

В настоящий момент всё былое, а также думы по этому поводу мало беспокоили юную «нигилистку», давно лелеявшую мечту о самостоятельном, независимом существовании под собственной крышей. Вдали от поучений, наставлений и вертикальной власти абсолютно горизонтального, тошного в своей плоскостной линейности отчего дома. Вернее – материнского. Вряд ли кто-то, знакомый с семьёй Романовых, назвал бы этот дом «отчим». Там царил полный матриархат, поддерживаемый с помощью упрёков, шантажа, криков, слёз, падений в обморок,

выдуманных и настоящих болезней – всех этих верных слуг любой истеричной женщины, не получившей от жизни того, что ей, по её мнению, причиталось. Итак...

Для Поли пришла пора «сменить подъезд». Во всех смыслах. Для начала подходила и смена места жительства. Пусть и чужого на не своё, но зато грязно зависимого на чисто самостоятельное. Так, по крайней мере, ей казалось. А мы все очень часто выдаём кажущееся за существующее, желаемое за действительное и, что самое распространённое, банальное бегство – за свободу воли.

Самым торжественным образом девушка приближалась к старому дому, где на последнем – третьем – этаже и находился «Остров Свободы» площадью двадцать четыре квадратных метра отдельной комнаты с непомерно высокими «небесными сводами». Шесть метров тридцать сантиметров.

Родительский дом именовался «сталинкой суперфосфатного завода». Это мало что скажет современным детям, юношеству и даже некоторым уже законно взрослым. Но тогда каждому ребёнку было ясно, что «сталинка» – это многоэтажный жилой дом, построенный в пятидесятых годах двадцатого столетия по одному из самых удачных для тех времён архитектурному проекту – без проходных помещений, ведущих в кладовки, именуемые «комнатами», и без совмещённого санузла. А как раз с порядочными коридорами и отдельными самыми настоящими комнатами, непристойно просторными для советского человека. Прелесть же отделения унитаза от лохани для омовений заключается в том, что пока один из жильцов барахтается в пене дней, другой не должен применять титанические усилия по удерживанию переполняющих его продуктов жизнедеятельности. Разумеется, есть индивидуумы и даже целые нации, совершенно спокойно опорожняющие мочевой пузырь, а то и кишечник в любой обстановке, – возьмите хотя бы Индию. Но Полина Романова к таковым не относилась, а про Индию знала только то, что там был Махатма Ганди, есть Индира Ганди и ещё какие-то священные коровы. О том, что Дели и Бомбей завалены дерьмом, она узнала много позже. О необходимости мочеиспускания и акта, простите, дефекации в условиях, далёких от какого-либо комфорта, она узнала много раньше, чем о кучах на обочинах прямо в центре индийских городов. Потому что детство провела в относительно благополучном городе Одессе, в относительно благополучной семье и в относительно удачном архитектурном решении многоквартирного дома. Причем построенного – раз уж он «суперфосфатного завода» – специально для работников промышленного предприятия, производившего соответствующие удобрения.

Как и в любом ведомственном доме, часть квартир в нём была отведена на жэковско-партийные нужды. Отец Поли Романовой был капээсэсовцем среднего звена – парторгом крупного предприятия. Производившего, что правда, не суперфосфатные удобрения, а прецизионные станки. Но кто поймёт полупридворные хитросплетения эпохи минувшей? Мы, простые обыватели, и в нынешних-то не очень сильны. Когда-то Полин папа был инженером, но об этом он помнил так же смутно, как и о том, что значит быть мужчиной. Ну, если не считать факта воспроизведения себе подобных – тут он более-менее преуспел. У Полины был старший брат. Покинувший родимую «сталинку» на десять лет раньше. Брат был взрослее и решительнее. И хотя девочки быстрее созревают физиологически, склонность верить в сказки остаётся с ними куда дольше, чем с парнями. Если не навсегда. Просто чем старше девочка, тем в более страшную и печальную сказку она верит.

Дом, где комната в одной из квартир прежде принадлежала Валентине Александровне, был совсем иного рода. Ныне он именовался «коммуной», потому что все квартиры этого дома были коммунальными. Пояснение для юношества: «коммунальные квартиры» – это такие квартиры, входя в которые вы ощутите устойчивый человеческий запах. Совокупный запах человеческого множества. Монолитный, как бетон. Хотя известно, что бетон – это песок, щебень,

цемент и вода, вид бетонной конструкции менее всего напомнит кому-нибудь о песчаных плёсах у реки. Вот так и с запахом коммунальной квартиры: будь каждый её обитатель в отдельности феей, пахнущей розами; лешим, пропахшим хвоей и белыми грибами; Красной Шапочкой, исходящей ароматом лесных трав и свежее испечённых пирожков, – но собранные все вместе в условиях одного коридора, одной кухни и одного-единственного коммунального сортира – они суть цементированный монолит человеческого духа. Не то ли имела в виду Баба-яга, поводя своим крючковатым носом и заявляя что-то о духе русском? И даже не потому, что Иван-царевич или Иванушка-дурачок редко мылись, а лишь потому, что они до явления к избе передом были слишком социализированы со всех возможных сторон. Русские – вернее даже сказать, «славяне» – отчего-то исконно коммунальны, вспомните хотя бы их поведение в очередях. Да что вспоминать. Оно и по сей день так.

Отличительной же особенностью того устойчивого коммунального человеческого запаха-духа являлось то, что он был явно не ваш, хотя и вы проживали именно в этой квартире. Нет-нет, вы не ошиблись адресом, именно здесь вы прописаны, даже если во входную дверь, открытую вашим ключом, выходит, сильно пошатываясь, совершенно неизвестный вам гражданин в ваших ботинках. Это знакомец соседа Петьки, а вам в который раз уже говорят, что не следует выставлять свою обувь под дверь, вы не в «Лондонской»! Не надо орать: «Грабят!» Не грабят, а экспроприируют. У вас вон сколько обуви, а Петя последнюю пару пропил на днях. Равно как и его кореш. И не скандавьте, пожалуйста! Петькины товарищи хотя бы не курят на кухне, в отличие от вас! Почему вы не можете курить в кухне собственной квартиры? Потому что это коммунальная квартира, а у внука Исидоры Степановны астма. Почему внук Исидоры Степановны ползает по вашей кухне без штанов и только что напрудил лужу под вашей кухонной мебелью? Ой, что вы называете мебелью? Эту рухлядь?! Да Иси́дора Степановна сама бы наложилa под неё кучу, не будь она интеллигентной женщиной с восемью классами образования! Что там ваш институт? Чему вас там учат, в вашем институте? Да вам младенческая моча должна быть как божья роса! Ну и что, что пять лет? Так уже и не младенец, да? Вот будут свои, узнаете! Уже и описатьa кровиночка не может, чтобы мать её издохла в муках, алкоголичка паскудная! Вы эту безвинную мочу – должны собрать и выпить, может, тогда ума прибавится! Хотя вам уже ничего не поможет! Что? Пол вы мыли только вчера? А Иси́дора Степановна этот пол уже тридцать лет моет и вам здесь, в этой самой кухне, курить не позволит! Да! Когда Пётр Васильевич курит, так астмы у внука нет! Это у внука на вас астма, чтобы вам уже ни дна, ни ботинок! Да и не ваши это, поди, ботинки. На хороших людей наговариваете!

Не все поняли этот уже почти сюрреализм? Вот и хорошо. Значит, мы на верном пути к развитому капитализму. Не все уловили иронию последнего предложения? Вот и славно. Значит, вы давно не бывали в присутственных местах и вообще – иеромонах, и непонятно, как вам в руки попала эта насквозь светская книга.

Дом, куда Полина Романова направляла свои стопы в сапогах для особо торжественных случаев, был благородным старым зданием эпохи «бельгийской» дореволюционной застройки Одессы. Вероятно, тогда он был доходным домом какого-нибудь дворянина выше средней руки или купца с неплохим вкусом. Поля склонялась к первой версии. Ей так было приятнее. В юности нас мало интересует фактическая сторона любых вопросов. Мы больше склонны доверять своим ощущениям. Некоторые редкие счастливики сохраняют эту особенность на всю жизнь. Именно эти глупцы, как правило, счастливы в браке, успешны в делах и реализуют себя куда как лучше тех, кто всю жизнь подсчитывает, прогнозирует, пересчитывает и осторожно делает «выверенные» ставки. Я вас умоляю! Что там можно выверить?! Но они верят в «систему». И это можно понять. Рулетка, например, разохлась! Хотя и этот сюжет давно обработал Джек Лондон.

В жизни же тот, кто хоть раз не поставил последнее на кон, никогда не сорвёт банк. Кто ни разу не утрачивал рассудочное восприятие реальности, не станет мудрым. Кому не было страшно в темноте, не познает счастье света. Кто не голодал, не поест со вкусом. Тому, кто не страдал естественной порывистостью, никогда не наслаждаться изысками сдержанности. Тоже, наверное, в своём роде система. Кто знает?..

А вот архитектура старого дома изначально была изысканна в своей сдержанности.

Его три этажа были выше пятиэтажных «хрущёвок», стройными рядами запленивших Черёмушки и всевозможные посёлки, носящие имена командиров Гражданской войны и учёных-виноделов³. В гармонии здания не было вычурных излишеств и несуразности, так свойственной рефлексующему прагматизму более поздних «богатых» построек.

Поля любила этот дом. Частенько прогуливаясь мимо него в детстве, она бесцельно любовалась, даже не мечтая, что в один прекрасный день будет стоять у этого подъезда в сапогах для особо торжественных случаев (единственных приличных, если уж говорить начистоту). Валентина Александровна не особо любила визитёров, и в этой комнате, внезапно её законно-прописном владении, Полина Романова до сего дня была считаные разы. Кажется, впервые – когда ей было пять. Отец взял её с собой на чаепитие по поводу приехавшей на юг какой-то его родни. Родственников Полина особо не запомнила, как и чай. Но старый трёхстворчатый могучий шкаф, чёрную тарелку на стене и изумрудный бархатный альбом – с изначально плотными, но от времени хрупкими страницами – запомнила навсегда. Впитала в раскрытые поры детского сознания, да так они и инкапсулировались там яркими неизменными образами.

Ещё раз была лет в четырнадцать – первый осознанный побег из дому. Больше бежать было некуда, и она наивно рассчитывала, что если тётка Валька терпеть не может мать, то её, Полю, наверняка приютит, особенно учитывая тот факт, что именно мать её, Полину, и обидела. Не то очередным подозрением, не то просто плохим настроением. Известное дело: кто ближе – тот и подворачивается. Не так ли мы сами порой поступаем с собственными детьми?

Но четырнадцатилетний подросток просчитался, не учтя то обстоятельство, что взрослые отношения куда более полны оттенками, чем простой в своей порывистости мир детства. В тот раз Валентина Александровна щедро насыпала Поле в ладонь жёлтых облаток валерианы из стеклянного пузырька и за руку отвела назад в «суперфосфатное» родовое гнездо. Присовокупив по дороге, что мать надо любить, какой бы она ни была. Особенно если мать так хороша, как мама Полины Романовой. Потому что она умная, прилично зарабатывает и отлично готовит. Вот и пойми этих взрослых! Где у них ненависть и неприязнь, а где – объективная оценка и даже симпатия. И где та грань, что отделяет умного от хорошего, умеющего пристойно готовить от способного прилично зарабатывать, любящего от ненавидящего – и обратно? Каждому с этим разбираться самостоятельно. Люди не то чтобы концептуальнее архитектурных традиций, скорее – менее однозначны.

Зато любоваться самим домом можно было регулярно – Полина учительница музыки жила в соседнем. Того же периода «бельгийского бума», но чуть более увитом всяческой лепниной, заставленном кариатидами и обвешанном тортообразными балкончиками с амурами и львиными головами.

Оценив сапоги на предмет степени ранения, Полина успокоилась. И закурила в палисаднике, поставив тяжёлую сумку на старую чугунную облезлую скамью. Хотелось зайти в подъезд не буднично. Торжественно. Хотелось запомнить. Поля Романова была до чёртиков склонна к излишнему символизму. Эдакий фетишизм образов. То ли сказалось влияние бабушки по материнской линии – Полины Фроловны, отличной от матери, как полярная ночь на макушке

³ Посёлки Котовского и Таирова («спальные» районы Одессы).

планеты отличается от солнечного дня в опоясывающих Землю тропиках. То ли Поля, как большинство юных барышень, была склонна к экзальтации, но она во всём стремилась найти что-то многозначительное. Если ничего значительного, тем более – «много», не находилось (а это случалось чаще всего, потому как жизнь большую часть времени весьма обыденная штука), – она создавала эту многозначительность самостоятельно. Простой поход за хлебом Поля могла превратить силами фантазии в яркое театрализованное действие на манер рок-оперы. Она отправлялась не за батоном в булочную, а за супругом-декабристом в Сибирь. По дороге добыв всеми правдами и даже – ах! – страшными чудовищными неправдами краюху хлеба, послабление условий содержания и прочее, и прочее, и прочее. Подростковые «прыщи» жертвенности щедро произрастают в любой девочке. Жаль, что у иных они так никогда и не проходят, отпылав положенный срок и излившись мёртвыми форменными элементами в небытие. Некоторые вполне себе великовозрастные дамы готовы спасти кого-нибудь хоть из чего-нибудь всю жизнь, пусть и ценой собственного унижения. Даже тех, кто в спасении и не нуждается. А просто возлежит на подушках собственных привычек, накрывшись тёплым пледом тлетворного характера, перед телевизором собственной судьбы. Такие не нуждаются в спасении, даже если они сами думают иначе. Их единственное спасение – слезть с дивана самостоятельно. Но они готовы принимать всё – заботу из рук женщины, хлеб, вино, потакание, но не признавать тот факт, что просто сидят в капкане ужимок собственного самомнения. В капкане намышь.

Поля, решив быть взрослой, даже себе не признавалась в том, что не заходит в подъезд, потому что, видите ли, должно произойти что-то значительное.

«Чего уж тут может произойти значительного? Не смешите меня! Не захожу, потому что хочу ещё покурить!» – соврала она самой себе.

Если честно, то уже першило во рту и очень хотелось пить от бесконечного курительного марафона. Пока Поля гнала от себя назойливые детские мысли о восхождении на трон, возвращении из монастыря, тайном визите в секретное любовное гнёздышко, и так далее, и тому подобное, Провидение, распахивавшись от нетерпения, нагнало значительности самостоятельно. Откуда-то сверху, с диким ором, прямо Полине на голову свалилось что-то живое и вцепилось в волосы. Рефлекторно схватившись руками за орущее меховое нечто, Поля с трудом отодрала от себя измученное, тощее, маленькое существо – паршивого котёнка с закишшими веками. Он истошно мяукал, но, быстро успокоившись в ласковых руках, приоткрыл на маленькую щёлочку прищуренные от ужаса глаза и сказал:

– Хм...

Да. Примерно так и сказал. Ни «мяу» и ни «уа». Он сказал: «Хм...»

– Ну, раз ты такой скептик, то пошли ко мне жить, – сказала Поля. Свалившийся на голову клубок согласно кивнул.

– Ты кот?

В глазах мохнатого «собеседника» отразилось недоумение, мол, знал бы – сказал.

– По-моему, ты – лев. Или тигр. Пусть будет тигр. Уссурийские тигры гораздо красивее облезлых плюшевозадаых львов, признайся! – продолжила Полина.

Котёнок понимающе пошевелил ушами.

– Во-первых, ты откуда-то выпрыгнул. Значит, наверняка охотился на антилопу. Тигры охотятся на антилоп? Откуда в тайге антилопы? Но тигры же не только в тайге водятся, да? Они есть не только уссурийские, но и бенгальские, и ещё какие-то. И там, где они ещё какие-то, наверняка есть антилопы! Бенгальские антилопы!

Поля была безапелляционна. Она виртуозно умела подгонять желаемое под действительное, хотя ещё ни разу не слышала ни о солипсизмах, ни о берклианской философии, ни о субъективизме вообще, хотя некий курс любви к мудрости был предусмотрен программой вуза, где она училась. Он так и назывался: «Марксистско-ленинская любовь к мудрости». Ну, то есть философия. Маркс, Энгельс и Ленин втроём любили мудрость. Что из этого вышло – всем известно гораздо лучше, чем, например, смешные романы Мориса Дрюона, где групповые забавы, сочленённые с разработкой интриг, были не так фатальны для живущих в век династии Капетингов, как последствия внедрённого в незрелые умы учения бородатой троицы для рабочих, крестьян, а также законно-исконных владельцев доходных домов эпохи «бельгийского бума».

– Во-вторых, ты чёрный в жёлтую полоску, а это совсем не кошачий, а именно тигриный окрас, – продолжила Поля логическое построение не поддающихся логике исходных данных. – В-третьих, ты меня поцарапал, у меня по щеке течёт кровь, и, наверняка, мне теперь грозит токсоплазмоз. Впрочем, это даже неплохо, потому что я не беременная и беременеть в обозримом будущем не собираюсь. То есть ты, по большому счёту, одарил меня иммунитетом, который позволит моему будущему – когда-нибудь – ребёнку внутриутробно плевать на токсоплазмоз с большой горы. У тигров бывает токсоплазмоз, как думаешь? Раз тигры – большие кошки, значит, и токсоплазмоз у них бывает. Большой такой токсоплазмоз. Ерунда какая-то... – Неопознанный летающий кот согласно мяукнул. – В общем, глаза мы тебе вылечим, если ты, конечно, согласен жить со мной.

Котёнок замурчал так внезапно и так громко, что Поля сочла это однозначно положительным ответом. Она усадила лохматое тощее существо в боковой карман сумки и решительно вошла в подъезд. Теперь это было вполне особенно: египетская царица в прекрасных сапогах для торжественных случаев величественно входила с ручным тигром в новый, выстроенный специально для неё дворец. Кто их там знает, этих таинственных египетских цариц? Были ли у них ручные тигры, строились ли специально для них дворцы и, уж тем более, были ли у них сандалии для торжественных случаев? Полина не знала. Но помним – юность больше интересуется представлениями, чем факты.

Подъезд не менее величественно и торжественно обдал вошедшую парочку запахом застарелой кошачьей (и не только) мочи, перегаром и накинул на них хитросплетения кружев множества человеческих жизней. Широкая мраморная лестница явно приходилась младшей сестрой лестнице Оперного театра. Нелюбимой сестрой-приживалкой, тем не менее не утратившей в вынужденной зависимости величия благородных кровей, прошитых в геноме. Грязный и сколотый мрамор всё равно остаётся мрамором. Даже складки пыльных залатанных перил и экзистенциальный монумент в виде пьяного дворника, сидевшего на нижних ступенях, не могли скрыть мастерство покроя и великолепие филигранного исполнения прекрасной, пусть и потасканной временем и событиями, лестницы.

– Опять эта падла Нелька котят с балкона выбрасывает?! – искупав Полины обонятельные рецепторы в немыслимом букете ароматов, прорычал похмельный дворник.

– Здравствуйте! – поприветствовала его Полина, присев в книксене. Она была счастлива, и никакая Нелька, никакой алкаш, вообще никто и ничто не могли испортить ей настроение.

«Кошки падают на четыре лапы, как известно. Тем более – если на чью-то голову», – стремительно пронеслась куда-то мимо неуместная мысль.

– И вам не хворать! – удивлённо, но приветливо ответил дворник, с трудом сфокусировав на девушке взгляд. – Откуда такая фея в наших неприветливых местах? – Пьяница с метлой был не по одежке и состоянию велеречив.

– Оттуда! – Поля помахала рукой в сторону широко распахнутых дверей. – Я – внучатая племянница Валентины Александровны Чекалиной из седьмой квартиры.

– А Валентина уехала, так что опоздала ты, племянница. Да и не сезон.

– Нет. Я как раз вовремя. Она уехала, а я – наоборот – приехала. Не загорать и купаться, а жить. На всё время.

– И откуда?

– Оттуда, – и Полина ещё раз ткнула ручкой в сторону обшарпанных массивных дверей. Карманный уссурийский тигр ехидно хмыкнул. – Из города. С улицы вошла.

– Острячка! – удовлетворённо резюмировал дворник и, опираясь на метлу и перила, встал и протянул девушке грязную ладонь. – Владимир. Властелин мира.

– Полина! – она крепко пожала руку дворнику. Рука была приятная. Тёплая и уютно шершавая. – Вообще-то, должна была быть Фёклой, представляете? Если по святцам. Но куда с таким именем, да в такой вот диалектический ряд? Так что вот так вот. Полина. Пол иня. Осталось ещё найти пол яня – и будет полная гармония.

– Для полной нужны целиковые Инны и Яны. Из половин ничего толкового не слепишь! – философским тоном заключил «властелин мира», помахав растрёпанным «жезлом».

– Ну, мне и половины пока хватает – в виде целой и невредимой меня. Я не жадная. С вами интересно беседовать, но мне пора. Была рада познакомиться, Владимир. Пойду я во палаты, пожалуй. Обустраиваться.

– Ну, ты там осторожнее. Вечный Жид тебе, конечно, жизни не даст, но ты, как я посмотрю, и сама зубастая. А если уж на тётку похожа... Валька красивая была. Но умная. И справедливая. Хотя, конечно, скандальная, страх господень! Я её в молодости не чётко помню, но она и к пенсии ничего так была. Потом рассмотрю, похожа ты на неё или нет.

– Похожа. У меня тоже длинный нос. Это наша семейная особенность.

– Где это он у тебя длинный? Нет, ну тут, в подъезде, сейчас не видно ни зги, но если ты на тётку похожа, то у неё нос длинным не был. Правильный у неё нос. Канонический!

«Тоже мне, нашёл аристократку из уездного городка! Дворник-эстет, надо же!» – хмыкнула про себя Полина. А вслух сказала:

– Да я на всех понемногу похожа. Даже на вас, к примеру. Вот у вас два глаза – и у меня два. Все люди братья и сёстры – даже властелин мира Владимир и половинка гармонии Полина. Мы же все от Адама и Евы! И значит, все находимся в сильно разведённой степени родства.

– Твоя правда! Хотя, с другой стороны, посмотришь на иных – и вовсе не хочется на них походить, – важно уточнил дворник. – Ну, бывай, острячка. Увидимся. Обращайся, если что – гвоздь забить, кран починить, ну, и водки выпить, конечно, если у тебя лишняя заведётся вдруг.

«Почему все и всегда считают, что я зубастая, ушлая и чёрт ещё знает что? Сами они... С ушами! На самом деле я нежная, ранимая и чувствительная. Правда, Тигр?» – Поля почесала котёнка за ухом. Для пережившего полёт он чувствовал себя совсем неплохо. Возможно, он тоже был хоть и чувствительный, но ушлый. Поневоле станешь ушлым и вынужденно зубастым, когда тебя какие-то Нельки с балкона выбрасывают. Неведомую Нельку Полино воображение рисовало нервным, злым подростком. Возможно, больным, обиженным или не в меру

избалованным и испорченным. Другого более-менее разумного объяснения метанию нелетучих котят с балконов Полина не находила. А ещё, если верить дворнику Владимиру, в квартире номер семь обитает какой-то загадочный Вечный Жид, и никаких приемлемых версий, помимо ильфо-петровских, на эту тему у неё на данный момент не находилось.

Поля поднималась нарочито медленно. Задерживаясь на каждой площадке. Не для того, чтобы отдышаться, конечно же, – она была молода и здорова, как молодая и здоровая лошадь. Да и разве можно «отдышаться», вдыхая запахи подъезда одесского жилого дома конца восьмидесятых двадцатого века? По-настоящему отдышаться можно только в тайге или в открытом море, как искренне (и вполне справедливо, стоит заметить) полагала Полина Романова. Она останавливалась для того, чтобы тщательно изучить окружающее пространство. Исследовать трещины на стенах, абрис потёков на потолке, искалеченные ступени и раненые перила. Проникнуть, увидеть за всеми этими «культурными наслоениями» то, что прежде было подъездом красивого дома. Парадным подъездом. Великолепной лестницей. Потолком с лепниной. Как в алкаше Ваське Поля видела Василия Николаевича. Как в дворнике Владимире она увидела остроумного добряка, прежде (как выяснится немного позже) бывшего капитаном дальнего плавания. Как в маленьком, паршивом, выброшенном злым человеком с балкона котёнке – уссурийского тигра.

– Мы – поколение подъездов. Подъезжаем! – сказала юная Полина Романова своему новообретённому питомцу, подходя к двери искомой квартиры и решительно доставая из кармана пальто ключ.

Полина

Полина родилась...

Тут следовало бы, учитывая медицинское прошлое автора, коим в него постоянно тычут (ах, как повезло Чехову, Булгакову, Вересаеву и Аксёнову, что в их времена подобным наклеиванием ярлыков сотрудники издательств не страдали), указать дату, время, рост, вес, окружность головы и груди и что-нибудь ещё типа течения раннего неонатального периода. Но разве это важно хоть для кого-нибудь из читающих эти строки? Равно как не важно для читателей прошлое автора...

Поля родилась легко и безболезненно. Её мама почувствовала схваткообразные боли внизу живота и пошла в роддом. А папа пошёл с товарищами по ДНД⁴ ловить хулиганов. Хулиганы не попадались. Да как они попадутся в рюмочной? В миске с пельменями, что ли?

Так что мама в восемь часов утра благополучно родила живую и здоровую девочку, через пару дней названную Полиной. Обычного веса, обычного роста и с обычными окружностями головы и груди. Поленька начала громко орать, что тоже для младенцев весьма обычно. Единственным незаурядным обстоятельством было то, что новорождённый женского пола Романова орать продолжила. Не плакать, хныкать, пищать, скулить или подвывать, а именно орать. И орала она, не прекращая, ровно год.

Говорят, есть карапузы, которые делают краткие перерывы на сон, еду и прочие интересные. Но мало ли что говорят. Это ведь статистически недостоверно. А судя по Поленьке, так и просто невероятно. Её не интересовало ничего, кроме тональностей и силы ора. Даже присосавшись к материнской груди, она умудрялась басисто вибрировать. Даже во время кратких дремотных состояний она громко и мятежно бурчала звучным хриплым контральто. Это пугало окружающих и напрочь извело Полину мать. А кто бы не извёлся?

Были пройдены по этапу лучшие детские невропатологи и более узкие специалисты. Подпольные бабки и не сильно-таки отделённые от государства попики. Однажды сосед, не выдержав бесконечной пытки звуком, посоветовал положить Поленьке на темечко водочный компресс. Мамы и папы дома не было, а десятилетний брат уже был готов и на большее. Спиртное, проникшее в младенческий организм непосредственно через не до конца закрывшийся родничок и моментально, разумеется, всосавшееся, оказало своё действие незамедлительно. Полина, наконец, крепко уснула. Брат уснул вслед за ней. Потому что устал. Удовлетворённый сосед, принёсший сакральное знание об успокоении разбушевавшихся деточек из глубин своего деревенского детства, выпив оставшуюся от компресса бутылку водки, тоже уснул. Причём прямо за столом дома... пardon, квартиры семейства Романовых.

После этого эпизода народной медицины Поля перестала орать. Совсем. Она замолчала. И молчала целый год. Ну, то есть вообще. Когда ровесники радостно агукали, мамкали, папкали и дайкали – Поленька безмолвствовала, презрительно сжав губы и глядя на соседских дворовых карапузов свысока, даже в том случае, если они были выше ростом. Это очень забавно – в столь юном возрасте высоко парить.

Были пройдены по этапу лучшие детские невропатологи и узкие другие специалисты. Подпольные бабки и не сильно-таки отделённые от государства попики...

К двум годам поликлиническая история болезни представляла собой пухлый том записей различной степени нечитабельности, результатов анализов, электроэнцефалограмм, рент-

⁴ Добровольная народная дружина.

геновских снимков черепной коробки, заключений квалифицированных, высококвалифицированных и узкоспециализированных эскулапов.

На двухлетие Поленьки накрыли стол, ломящийся от фаршированной рыбы, оливье, винегретов, шпрот и прочих яств. Её нарядили подобающим моменту образом, позвали в гости друзей, приятелей и бабушку с дедушкой. Мама что-то там слово за слово с дедом. А тот уже слишком много выпил, чтобы оценивать сказанное объективно. Правда, к месту сказать, действия Полиной мамы никто никогда не оценивал объективно. Так считала она сама. К примеру, Полина мама говорила, что все кругом уродины, а она красавица. Объективно? Конечно. Потому что она была действительно красивой женщиной – и в подобном логическом построении не видела никаких противоречий. «Мир очень несправедливо устроен!» – ахала Полина мама. Не поспоришь. Жаль только, она слишком часто ахала. Когда не ахала – охала. А когда не охала – плакала. Вот и в тот вечер, повздорив с дедом, она заплакала. Шумно, демонстративно и показательно – любила давать публичные представления. Желательно, при полном зале.

Поленька подошла к маме, погладила её по голове и спросила:

– Mamочка, почему ты плачешь?

Все замерли, как в немой сцене «Ревизора», потому что ни разу не агукнувшая Поля чисто, внятно и чётко артикулируя, произнесла законченную фразу со смысловой нагрузкой. А ведь после стольких-то врачей могла бы и всю оставшуюся жизнь молчать.

Мама отмерла первой. Вытерла слёзы и поинтересовалась:

– Поленька, а почему ты до сих пор всё время молчала?

– Потому что не хотела ни с кем разговаривать, – спокойно ответила дочка.

Мама дала двухлетней Поленьке звонкую пощёчину. От всей души, что называется.

Поленька не заплакала, не обиделась. Она спокойно развернулась и ушла в кухню. Залезла на широкий мраморный подоконник и, устроившись поудобнее, крикнула старшему брату:

– Принеси мне, пожалуйста, кусок торта и ту книжку с буквами, что ты мне читаешь!

– С картинками, ты имела в виду? – ошарашенно переспросил брат.

– Нет. Она с буквами, – твёрдо настояла Поленька.

Мама долго плакала, приносила свои извинения, звонила родственникам и подругам, чтобы объяснить, что она «вымотана» и «нервы на пределе». Ходила по врачам, но уже без дочери. И в конце концов уехала в Крым. На пару месяцев. Подлечиться. Все были довольны. Особенно папа.

А Поленька поселилась на том самом мраморном подоконнике. И долгое время у них с мамой всё было хорошо и не было никаких проблем.

Справедливости ради отметим, что мама Полю никогда не била. А пощёчину дала ещё всего лишь раз. Как-то, придя со двора, Поля поинтересовалась:

– Мама, а что такое «блядь»?

И мама дала Поле звонкую пощёчину. От всей души, что называется.

Поля решила, что безопаснее будет узнать, что такое «блядь», самостоятельно. А заодно и всё остальное. От решения примера по математике до: «Почему самолёты такие большие – крыльями не машут, а летают?» Всё-таки инстинкт самосохранения у млекопитающих – самый сильный. Гораздо сильнее пищевого и полового. Потому как последние – лишь парафраз на первый. Едят, чтобы жить. А зачинают и рожают себе подобных, дабы продолжиться в пространстве-времени, сохранить свой генетический код в вечности. Типа того. Хотя всё проще, как водится. Пришёл – спросил – получил по харе – и больше туда не пойдёшь. И самосохранение здесь ни при чём. Скорее вопрос вкуса.

Кормили и одевали Полю хорошо – как всех, зато вовремя. По советским меркам её детство было весьма и весьма счастливым и обеспеченным. Бабушка и тётка Валентина Александровна привозили из Москвы продукты и тряпки. Дедушка из командировок в страны соцблока – продукты, обувь и чудесные игрушки. Поля ходила в бассейн, в музыкальную школу, шахматную секцию и была ангажирована по полной. Мама всё так же кричала и падала в обмороки. Но касалось это в основном папы и старшего брата. Поля приносила домой в дневнике одни железобетонные пятёрки и в конце каждого года – похвальный лист. Мама трепетно складывала все грамоты дочери – музыкальные, спортивные и школьные – в папочку. А папочку – в шкаф, на верхнюю полку. И хвасталась родне и подружкам при случае. Поле это льстило.

Мама никогда не ругала Полю за то, что та читала книги «не по возрасту» и «неподобающих авторов», как говорили её драгоценные подруги. Мама была женщиной прогрессивных взглядов, любила Ахматову, Цветаеву и Высоцкого и даже не отобрала у дочери «Декамерон» Боккаччо, который, признаться честно, не только неплотский донельзя, но ещё и занудный по самое «не могу». Правда, Мопассан и многие другие интересные авторы почему-то переключались после этого на антресоль. Впрочем, в доме у бабушки к книгам, как прежде, был свободный неограниченный доступ. И где их взрослая логика? Не говоря уже о том, что сегодняшние одногодки малолетней Поли нашли бы эти произведения куда наивнее «Колобка», безмерно скромнее «Playboy» и целомудреннее весталки. Если сперва потрудились бы отыскать значение последнего слова. И того, что перед «Playboy», – тоже.

Летом Поля уезжала на Волгу, где были лес, река и грибы. Один месяц ежегодно проводила в Москве, где были театры, картинные галереи и Красная площадь. Всё остальное время она жила в Одессе, где было Чёрное море, песчаные пляжи и платаны. Что ж плохого в таком детстве? И с мамой в гости ходили и по магазинам. Шутки шутили и обнимались. Последнее, правда, редко. Крайне редко. Крайне-крайне, крайнее некуда. Мама необъяснимо сторонилась объятий. И всего телесного. Она всегда очень едко отзывалась о коротких юбках, о юношах и девушках, целующихся в парках по вечерам. Как-то даже устроила Поле скандал за то, что та залезла к брату на колени. Девочке было лет десять, и она ничегошеньки не поняла. За что? Что она такого сделала? Но почуяла, что к табу и запретам стоит отнести не только всякие интересные вопросы, а также «телесность». Так это она для себя тогда определила. Хотя – мы-то знаем – на самом деле это называется «чувственность». А что там у её матери с этим не так приключилось – так это один бог в курсе. Да и тот, наверное, уже позабыл. Однако Полина твёрдо усвоила тот урок: с объятиями и поцелуями ни к маме, ни к брату, ни к любому, кто на виду или рядом, – лезть нельзя. Почему? Да потому что! Более рационального объяснения детский мозг этому обстоятельству не находил. Она даже попыталась выяснить у брата, но он в ответ лишь покрутил пальцем у виска и сказал, что тут поможет только психиатр. «Маме или мне?» – подумала Поля, но уточнять не стала. Вдруг именно ей? Мама не упустит случая сводить её к врачу. А от психиатров лучше держаться подальше, потому что та же мама говорит, что все психиатры ненормальные.

Лет с двенадцати Полиных мама стала очень топорно, непременно намёками и краснея, объяснять Поле, что мальчики и мужчины хотят только одного.

– И чего же, мамочка, они хотят? – уточняла пытливая девочка.

– Одного! – громко краснела мама.

– Ну чего, чего одного? – молила открыть ей тайну единственного желания мальчиков и мужчин Поля.

– Ну того самого... Вот ты же много книг читаешь? Вот ты же видишь, ЧТО там делают мужчины с женщинами, – намекала почти уже багровая и сердитая мама тупой бестактной Поле.

– Вижу. Спасают, воспевают, любят, боготворят, проклинаят, в карты с ними играют и женятся на них.

– Вот! – многозначительно говорила мама. – И всё это для того самого одного.

– А разве это плохо, если для того самого одного всё это мужчины делают? Если, к примеру, мужчина напишет мне стихотворение или, там, через грязную лужу на руках перенесёт, я очень даже бы не отказалась дать ему того самого одного, чего они все хотят. Это же удивительно! Ты даёшь то самое одно, что хотят все, тому самому одному, который тебя спасает и боготворит, – безо всякой задней мысли мечтательно говорила девочка. – И, кроме того, надо быть благодарной. Ты же сама меня учишь, что за всё надо быть благодарной и что надо не только брать, но и давать.

В этом месте мама начинала кричать, что Поля – идиотка. Если у мамы было хорошее настроение. Условно хорошее. А если безусловно плохое, что случалось чаще, она трагическим голосом извещала дочь о том, что она её кормила, растила, ночей не спала, а та ещё имеет наглость над ней издеваться.

А между тем Поля вовсе не издевалась. Несмотря на тонны хаотично прочитанных книг обо всём. Интернета тогда не было, с голубого экрана не изливались на детские головы потоки кинематографической спермы и прочие половые перипетии низкопробных реалити-шоу, потому таинство любви ещё оставалось таинством, а не было общедоступным модифицированным продуктом из усреднённой «потребительской корзины». Издательства в те далёкие времена не выпускали словарей матерных слов, поэтому, к примеру, значение слова «блядь» Поля узнала при горячем содействии одноклассника Вовочки Полякова. В пятом классе. Они с ним стояли в коридоре у кабинета директора и болтали.

– Вова, – сказала Поля, – вот уже пару лет меня мучает вопрос, что такое «блядь»?

– Не «что», а «кто»! Это одушевлённое существительное. Женского рода, – важно сказал Вовка – сын завуча по воспитательной работе. – И не ври, что не знаешь, кто это!

– Честное пионерское, Вовка, не знаю! Ну, скажи, пожалуйста! У кого мне ещё спросить? Я маму спросила – пощёчину получила. А за что – до сих пор не пойму! Для меня уже эта «блядь» таинственнее любого острова и всего Жюль Верна вместе взятого. Тем более у Жюль Верна во всех двенадцати томах эта таинственная блядь ни разу не встречается!

– Всё ты врёшь, Полина! – обиженно надулся Вовка.

– Про Жюль Верна? Не вру! Честно! Всё прочитала и перечитала – ни разу не встретила. И в Дюма не встретила. Ни в Гюго, ни в О'Генри... Нигде нет этой бляди! – шумно вздохнула Поля.

– Тихо ты! – почему-то испугался Вовка и тут же хитро прищурился. – Всё-таки ты врёшь – про «не знаю»! Сейчас я тебя выведу на чистую воду. Если ты действительно не знаешь, кто такая эта... Ну, это слово... То вот сейчас мама с Антониной Григорьевной из кабинета выйдут – ты подойди к ним и спроси, – усмехнулся Вовка.

Смеялся он недолго. Потому что, когда из кабинета вышли директор и завуч по воспитательной работе, Поля подошла к ним и спросила совершенно спокойно, тоном всегда уверенной в себе отличницы и учительской любимицы:

– Антонина Григорьевна, Лариса Евгеньевна, а кто такая «блядь»? Поляков сказал, что вы мне расскажете.

Директор и завуч по воспитательной работе в школе, где училась Полина Романова, были хорошие и умные. Они отлично знали и Полю и её маму. Они не стали вызывать последнюю в школу и, как смогли, объяснили девочке сами. «Женщина лёгкого поведения. Ну та, которая... ммм... даёт всем мужчинам... ну, это... То самое... – краснела и пытела завуч по воспитательной работе под строгим взглядом директора, мол, давай, воспитывай, работай! – Живёт со всеми подряд этой... половой жизнью, фуф!»

Вовке от мамы досталось. Но даже через год после окончания школы, на свадьбе общей подруги, он, немало выпив, приставал к Полине:

– Нет, ну как ты меня тогда развела! Всё-таки ты – гениальная актриса!

Между тем Поля вовсе не играла. Ни тогда, ни позже. Но в пятом классе она окончательно и бесповоротно решила, что уж лучше никому и никогда не задавать никаких вопросов сложнее, чем «как вас зовут?». Да и то – прежде хорошенько присмотревшись.

Даже когда на похоронах бабушки из того самого места Полиного организма, которое принято не только скрывать от посторонних взглядов, но и не называть, вдруг пошла кровь, она хранила молчание. Пока к ней не подошла дальняя родственница и не стала успокаивать:

– Поплачь, деточка, поплачь! Это ничего! Ты ещё маленькая! Все там будем! Ну, ты, конечно, очень нескоро. Но поплакать надо. Слёзы, они боль смывают.

Поля любила своего деда, но он ей был почти чужой. Дедушке и бабушке вообще никто не был нужен по большому счёту, несмотря на четырёх детей, пятерых внуков и вечно полный дом гостей. Полина мать постоянно ныла на тему: «Ах, зачем они нас нарожали?! Жили бы себе вдвоём, раз уж такая любовь». Поля до поры до времени не особо понимала, о чём это она. Зато чем-то, что выше разума, твёрдо усвоила – бабке и деду хорошо вместе. Просто бабушка ещё иногда делится этим «хорошо», а дед – нет. Вот и всё. Она не понимала, почему надо рыдать на похоронах. Бабушка тоже совсем не плакала. Она сидела и не шевелилась. Не ела. Не ходила в туалет. Не чистила зубы и не умывалась. Уже третий день. Вот это было действительно страшно. Куда страшнее, чем восковое лицо и неестественно белые руки деда в гробу.

– Мне не больно, разве что чуть-чуть ноет внизу живота, – шёпотом ответила Полина сердобольной курице на её кудахтанья. – Только я, мне кажется, окажусь там, где мы все будем, раньше вас. Потому что из меня идёт кровь.

– Откуда? – спросила тётка вдруг совершенно нормальным голосом.

– Оттуда, – девочка ткнула пальцем ниже лобка.

– Первый раз, что ли?

– Первый. До этого никогда ничего похожего не было.

– Тебе что, мать ничего не говорила?

– Нет.

– Ну, иди, режь тряпки и пихай их в трусы. Это нормально, когда оттуда идёт кровь. Там, где мы все, из-за этого не будешь, – тётка быстро успокоилась и даже улыбнулась, несмотря на мёртвого деда в соседней комнате.

Поля пошла в другую комнату. Достала из шкафа старую простыню и принялась кромсать её ножницами на мелкие полоски. Вслед за ней юркнула всё та же родственница и, удивлённо глянув на происходящее, спросила:

– Что это за лапша?

– Тряпки. Порезанные.

– Ну вы, блядь, тут совсем, интеллигенция гнилая. Матери я твоей сказала, что у тебя первые месячные, но она вся в горе по самые уши. Рыдает и головой бьётся. – И тётка ещё раз помянула женщину лёгкого поведения, которая живёт половой жизнью со всеми подряд. – Ладно, ребёнок, не переживай! Давай сюда твои тряпки – сейчас покажу, как надо.

Вот так Поля и узнала, что такое менархе, хотя само слово стало известно ей гораздо позже его фактической событийной значимости. А также то, что то самое прежде таинственное слово на «б» оказалось ещё таинственнее.

– А почему вы упомянули живущую со всеми подряд женщину лёгкого поведения? – поинтересовалась Поля, утерев слёзы и выпив заботливо протянутую тёткой таблетку анальгина.

– Кого я упомянула?

– Ну, вот эту... На «бэ».

– Не семейка, а сумасшедший дом, прости господи! – тётка размашисто и быстро потрогала себя собранными в жмёну тремя пальцами правой руки сперва за лоб, затем за грудь, за правое плечо и за левое. – Простого не знают, зато такого тумана напустят, что хоть святых выноси.

– А что это вы сейчас сделали? И всё-таки, почему вы вспомнили о живущей со всеми женщине?

– Перекрестилась я. Ты что, не знаешь, что такое креститься? Ты крещёная? И отстань ты от меня со своей женщиной, понятия не имею, о чём ты! Удобно? Живот не болит? Чтобы между ног не натирало, подмывайся каждый раз, когда тряпку меняешь. А натрёт – детским кремом смажь или подсолнечным маслом.

Поля была крещёной. Бабка с матерью окрестили её вскоре после рождения в маленькой церкви на Усатово. Факт же превращения тринадцатилетней Поли из девочки в девушку более никогда не поминался и не обсуждался ни в семье вообще, ни с мамой с глазу на глаз в частности. Короткий же мастер-класс, преподнесённый дальней родственницей, гласил, что эти самые «месячные» – то есть когда «оттуда» идёт кровь, но от этого не умирают – надо отмечать в календарике, тряпки сворачивать вот так и вот так, а не кромсать в клочья, и что с этой поры можно забеременеть, если кое-чем заниматься. Тем, чем женщины с мужчинами занимаются. «Ну, ты поняла, да?» Поля не поняла и в присущей ей простодушной манере тут же уточнила. Тёткин ответ на вопрос «чем конкретно?» был невнятен. Она слегка смутилась, пожестиковала, снова помянула женщину таинственного поведения да и махнула рукой, глядя в незамутнённые девичьи глаза, отчего-то залившись краской. И, видимо, как и многие прочие, решила, что Полина либо дурочка, либо гениальная лицедейка. «Ну, этим – этим... Половой жизнью». Поля тогда поняла лишь то, что мужчины – опасные звери и любое их приближение и тем более, свят-свят-свят, любой телесный контакт грозит любой девушке как минимум неприятностью, как максимум – смертью из-за несоблюдения какой-то неведомой «техники безопасности». Родственница так и сказала: «Общаясь с мужчиной, надо соблюдать технику безопасности». Поля чуть позже спросила у папы, что такое «техника безопасности». Папа долго и нудно что-то рассказывал, и девочка поняла, что нельзя совать пальцы в

прецизионный станок. Не в прецизионный – тем более. Не рекомендуется также: два пальца в розетку и руки по локоть в бетономешалку.

– Папа, а что значит «техника безопасности» при обращении с мужчинами? – не унималась Поля, пользуясь тем, что мама была в очередном санатории.

– Ну, это... – Папа молчал минут пять. – А кто тебе сказал такое вот... словосочетание?

– Ольга. Наша дальняя родственница, которая была на похоронах у дедушки.

– Ах, Ольга! – Папа облегчённо шумно выдохнул. – Не обращай внимания. Она пошутит, и вообще, у неё было три мужа и она очень дурно воспитана.

Не поняв, какое отношение имеет Ольгино воспитание к технике безопасности при обращении с мужчинами и почему папа тоже покраснел, да погуще, чем тётя Оля тогда, Поля решила, что мужчина – не только опасный зверь, но ещё и розетка с бетономешалкой, вместе взятые. И о них, мужчинах, а тем более об отношениях с ними, не стоит говорить вслух в кругу близких, а также всех прочих хорошо воспитанных людей. Хотя папа же мужчина? Мужчина. Но папа, видимо, настолько интеллигентный мужчина, что общение с ним безопаснее петушка на палочке из-под зоопарка. Он сам их ей покупал, потому что в зоопарк они ходили без мамы.

Немного приподнял завесу над тайной всё тот же Вовочка Поляков. Он приволок Поле книгу «Девочка. Девушка. Женщина».

– На. Мне мать дала почитать. Думаю, тебе будет интересно, – сказал Вовка уже немного ломающимся подростковым баритональным фальцетом.

Единственное, что объяснила Поле мама, так это что такое аборт. Почему-то после того, как та задержалась у подруги в гостях.

– Аборт, – закричала её очень недурно, в отличие от тётки Оли, воспитанная родительница, – это когда тебе зонтик в жопу засовывают, там раскрывают, а потом вытаскивают в расправленном виде!!! – И сразу же упала в обморок.

Поля не поняла, как связан зонтик, употребляемый не по назначению, с тем, что она пришла от одноклассницы-подруги Танечки на полчаса позже. Да и слово «аборт» ей тогда всё ещё ни о чем не говорило, в отличие от слова «апорт». А ещё она совершенно не поняла, почему мама в тот же вечер назвала её «блядью». Опять двадцать пять! Сколько же значений у этого слова?! Во-первых, они с подружкой не жили половой жизнью со всеми мужчинами, а писали сценарий для районного конкурса политической песни, а во-вторых, ни она, ни ровесница явно пока ещё не женщины, да и поведения не лёгкого. Характер у подружки Таньки был тот ещё. Лёгким точно не назовёшь.

Поля никогда не касалась табуированных тем, тихонько отмечала месячные в календарике и не задерживалась больше у подруг ни на секунду, поэтому всё было просто прекрасно, не считая скандалов мамы с папой, но к этому она привыкла, как рано или поздно люди привыкают ко всему. Живущие у железнодорожного полотна – к шуму ночных товарняков. Употребляющие сильнодействующие лекарственные средства – к регулярному ослабеванию эффекта. Барабанщики рок-групп – к децибелам.

Всё было более-менее хорошо и плюс-минус спокойно, пока Поля не перешла в девятый класс.

– Куда ты думаешь поступать? – строго спросила мама.

Понятно, что вопрос «кем быть?» возникал неоднократно и в раннем детстве, и позже. Но Поленька никогда особо никем не хотела быть. Ей вполне достаточно было просто быть девочкой.

– Я ещё не знаю.

В тот момент она была вся в своих театральных студиях, одобренных мамой. Музыкальную школу Полина уже окончила. Плавание было вычеркнуто из списка «полезных занятий» по причине эпизода острого пиелонефрита. А театральную студию мама приветствовала. Подобного рода полезные занятия, по её мнению, развивали умение держаться на публике. Что было просто необходимо для будущего врача. И, тем более, учёного. Маме дочь виделась то с фонендоскопом у постели больного, то в собственном кабинете с кардиограммой в руках, а то и вещающей с кафедры в аудиторию, полную воспитанных юношей и девушек, тщательно конспектирующих в полнейшей внимающей тишине сказанное. А мама ею, Полиной, гордится. У Ольги сын – автомеханик, у Светки дочь – учитель русского языка, ха-ха-ха, у Юльки оба отпрыска – не пришей к звезде рукав, а у неё дочь – врач!

– Ты будешь врачом! – констатировала мама тоном, не терпящим возражений. – Запишись в школу «Юный медик» при медицинском институте. – И она сунула Поле газету «Вечерняя Одесса» с объявлением о наборе старшеклассников.

– Я не хочу быть врачом!

– Это прекрасная специальность. К тому же я четыре раза поступала в медин. Покойный мой отец даже пальцем тогда не шевельнул, хотя мог.

– Мама. Но я, если уж на то пошло, хотела бы заниматься чем-то, что связано с театром. К примеру, пьесы писать. Или петь.

– Это всё детство и ерунда, – строго сказала мама. – Проходных певичек полным-полно. Бумагомарак-неудачников – полные редакции. Или, может, ты хочешь быть учительницей русского языка? – ехидно прищурилась мама.

– А что? Лучше быть проходным врачом? – парировала Полина.

– Лучше! На кусок хлеба с маслом и чай всегда хватит, и никакого ущемлённого самолюбия!

Полина промолчала. Спорить с матерью, всю жизнь кричавшей из-за болезненного ущемлённого самолюбия, из-за плохой погоды, из-за того, что соседка в заграничных тряпках, а она нет, из-за, из-за, из-за... В общем, спорить не имело смысла. Поля слишком хорошо знала, чем заканчиваются подобные споры. Скандалами они заканчиваются. В доме тяжело и долго пахнет валокордином, а из самых неожиданных мест укором совести вываливаются белые колёса клофелина от давления и жёлтые пуговицы экстракта валерианы.

«Ну, ничего, – думала Поля, – за два года много воды утечёт!»

Откуда ей, пятнадцатилетней девятикласснице, было знать, что два года – ничто, если ты, конечно, не готов поставить на карту последний веник в деле борьбы за справедливое распределение дежурств по коммунальному коридору.

Полина была не готова.

– Или медин, или педин! – мама поставила в практически сольной партии жирную тонику. – И чтоб тут, под боком!

Учительницей Полина быть не хотела, а с мамой разговаривать бесполезно. По крайней мере сейчас. Дождавшись папу, родительница пару раз упала в показательный обморок («Сикс пойнт зироу! Сикс пойнт зироу! Сикс пойнт зироу! Трибуны ликуют!») – и Полина на следующий же день записалась в «Юный медик», потому что чем бы ни заниматься, лишь бы дома поменьше бывать. К тому же – там было достаточно интересно, как выяснилось позже.

Так что в течение ближайших двух лет Полина получала свои пятёрки, пела-танцевала-учила тексты в театральной студии и постигала азы азов того, чему учат в таинственных мединститутах целых шесть лет.

После десятого класса она было взбрыкнула и поехала в Москву поступать в более близкое сердцу высшее учебное заведение. Не поступила. И под надменными взглядами «скорбной императрицы-матери», простившей, но не забывшей, получила свою пятёрку на вступительном экзамене по химии. После чего была тут же освобождена от прочих экзаменов – сочинения и биологии – ввиду наличия золотой медали, зачислена – и стала полноправной студенткой первого курса Одесского медицинского института имени Николая Ивановича Пирогова.

Мама была довольна. Правда, узнав, что Полину по какой-то невероятной случайности записали в группу, состоящую из двадцати семи молодых людей мужского пола, отслуживших положенное в рядах Советской Армии, тамап устроила истерику и хотела было пойти в деканат. Но тут Полина проявила нехарактерную для неё прежде непреклонность.

– Если ты пойдёшь в деканат, я заберу документы, – заявила она. И мама смирилась. А Полина приобрела прекрасную возможность изучать *in vivo* неведомые прежде «розетки», «прецизионные станки» и «бетономешалки» в полном объёме. Некоторые начальные сведения она уже почерпнула от преподавателя танцев и пластики театральной студии, но об этом её маме ничего не было известно. Да Полина и сама, если честно, толком ничего не поняла. Кроме того, что это был вроде как поцелуй. А слюнявые губы «куратора» вызвали лишь беспредельное отвращение. С тех самых пор Полин организм завёл хорошую привычку: если ему, организму, конкретный индивидуум мужского пола не нравился, он, организм, реагировал весьма и весьма однозначно – регургитацией желудочного содержимого на свет божий. Говоря проще – Полину тошнило и даже рвало от неприятных ей мужчин. В буквальном смысле. При этом они могли быть красавцами, великолепно пахнуть, быть вежливыми и элегантными, в отличие от этого обшарпанного и зассанного подъезда. Но чтобы хранить величие – великолепие не обязательно. По крайней мере, не всегда.

Дверь

Дверь была величественная. Старая, массивная, двустворчатая, чуть не под самый потолок. С многослойно облупленным разнообразием красок, она, тем не менее, являла собой квинтэссенцию благородства. Даже навешенные по периметру звонки с клееными, вставленными, вмазанными фамилиями жильцов не портили её, как не портит настоящего графа тюремное рубище. Где-то под самым потолком, над дверью висела латунная табличка: «Господин Козецкий».

«Интересно, что за господин Козецкий такой?» – подумала Полина, внимательно рассматривая дверной наряд. «Марченко» – походя бросала обычная коричневая картонка неаккуратно растёкшимся чёрным фломастером. «Аверченко» – поджав губы, строго сообщала бляха из нержавейки. «Валентина Чекалина» – сухо констатировала каллиграфически заполненная бирка, вставленная в окоём. «Козецкий» – неровный, вырванный из ученической тетради листок извинялся потёкшими чернилами.

«Надо же! Козецкий. Интересно, кто он тому – чопорно-латунному с ятями?»

Тигр зарычал требовательным фальцетом.

– Да погоди ты! – погладила его Полина и тиснула поглубже в карман сумки.

Замок был почти вырван с мясом. Вернее – он был имплантирован в рубцы от ампутированных предшественников. И многочисленные хозяева даже не позаботились о толковом излечении былых ранений на теле самой двери.

«Что, столяры перевелись? Ладно. Не будем в чужой монастырь со своим уставом. Вначале, пожалуй, приглядимся».

Полина провернула ключ в замке, толкнула дверь и вошла. Из темноты на неё кто-то смотрел. Тигр угрожающе зашипел.

Студенчество. День первый

Дверь главного корпуса медицинского института была тяжёлой.

Полина не первый раз входила сюда. Она уже бывала в первой аудитории. И на занятиях «Юного медика», и на вступительных экзаменах. Документы она сдавала здесь – один лестничный пролёт и налево – в учебных комнатах кафедры нормальной физиологии. Дядька со слегка безумными глазами задавал ей строгим (на грани карающего) тоном какие-то нелепые вопросы вроде: «Почему вы решили стать врачом?!» Разве что лампу в глаза не направлял. Впрочем, этого и не требовалось. Члены приёмной комиссии сидели спиной к огромным окнам. Абитуриенты – напротив. Летнее светило щедро палило прямо в лицо несчастным претендентам на высокое звание студента. На извечный дурацкий вопрос: «Почему?» – очень хотелось дать не менее дурацкий и не менее извечный ответ: «Потому!» Но Поля давным-давно поняла и приняла правила этих лицемерных игр.

– Потому что я хочу спасти людей! Я – гуманист! – ответила она, глядя прямо в безумные глаза вопрошающего. Курс актёрского мастерства в студии при оперетте не прошёл даром. Хотелось отвесить ещё и пионерский салют, но, судя по всему, у этого потеющего в июньском одесском мороке паяца совершенно не было чувства юмора, так что навыки сценического движения он бы не оценил. Достанет с него и сценической речи.

За столами приёмной комиссии сидели очень серьёзные люди, задававшие очень серьёзные вопросы и листающие очень серьёзные бумажки в тонких делах фигурантов.

– Золотая медаль? А кто родители?

– Люди, – ответила Поля. «Ох уж этот мелкий бес сатирической риторики. Заткнись!» Но бес не заткнулся. Он уже вошёл во вкус. – Мужчина и женщина! – уточнила Полина.

Но заметив, что глаза собеседника из слегка безумных становятся невменяемо-бешеными, быстро добавила:

– Учитель. Инженер. Ну, папа ещё и парторг завода. Правда, небольшого. На государственную дачу и персонального шофёра не тянет. Вот! – извинилась она одним махом и за медаль, и за родителей. И за беса.

Дядька взглянул на неё искоса, и в ненормальных глазах отчётливо мелькнула вполне вменяемая смешинка.

«Ага! И ты играешь по этим дурацким правилам! И гораздо дольше меня. Соответственно, и мастерства тебе не занимать, в отличие от какой-то абитуриентки».

Полина хмыкнула, вспомнив этот эпизод. «Ненормальный» позже оказался деканом первого лечебного факультета.

«Всё-таки, есть что-то торжественное в словах «кафедра», «институт». В конце концов, какая разница, где учиться? Главное – кем быть. А это мы ещё не решили. Так что подучиться по дороге не мешает!»

Но одно дело – бывать тут зелёной школяркой, и совсем иное – полноправной хозяйкой – студенткой. Это чувствительный момент. Я бы даже сказала, чувственный: «Полина Романова. Студентка первого курса лечебного факультета». Тут хочешь не хочешь – засияешь, как лампочка. Ей бы и хотелось придать солидности и тяжеловесности выражению лица, да только всё

равно – семнадцать, они и есть семнадцать. Именно столько было нашей героине, когда она на правах полноправной студентки толкнула тяжеловесную входную дверь главного корпуса Одесского медицинского института имени Николая Ивановича Пирогова.

Свежепобелённые статуи дружелюбно подмигивали, бюст Гиппократы улыбался во весь рот, а высокий симпатичный парень махал Полине рукой:

– Седьмая группа, первый лечебный! А ты?

– И я седьмая, первый, – неожиданно для самой себя пискнула разублабавшаяся было Полина, но тут же максимально возможно нахмурилась.

– Тогда пошли! Я тебя со всеми познакомлю. Мы с пацанами на подготовительном отделении вместе были. Так что уже, считай, родственники. А ты, по всей вероятности, та самая единственная таинственная Романова? – он прищурился, продолжая улыбаться. – Ну, ты нас не подвела. А то мы уже волновались – одна девушка в группе всё-таки. Могла оказаться и... в общем, партия нас бережёт!

«Издевается!» – пронеслось у Полины в голове. Никто, не считая мокрогободого танцора, не говорил Полине, что она красива. «Ну, друзья брата не в счёт – они – чтобы его не обидеть. Папины приятели – тоже. Мама всегда мне говорила, что у меня длинный нос и нестандартная фигура. Ни фигура не Таис Афинская. Скорее древнегреческий мальчишка-подросток для запрещённых карательной психиатрией утех. Одноклассники тоже не считаются – они слишком давно меня знают, привыкли и к длинному носу, и к широким плечам, и к отсутствующему задку. И, если вспомнить, то всегда более тяготели к широкозадой, узкоплечей Таньке с сиськами, а вовсе не ко мне – совсем без этих самых сисек!.. Пстой. А чего это он такой... бронеподрасток? Вон мои одноклассники в фойе сбились – бояться и бравировать. А-а-а, ну да. Подготовительное отделение. Туда вроде только после армии. Значит, господа старше меня как минимум года на четыре. Боже, какие старпёры!»

Да-да. Если вы вспомните себя, то в те чудесные годы, когда вам было семнадцать, все, кто был старше хотя бы на год, казались древними стариками, и вы были уверены, что жизнь после двадцати пяти смысла не имеет. Тридцатилетние считались престарелыми, а сорокалетние – живыми мумиями.

«Зачем уже куда-то идти учиться в двадцать один год? Это же... Плюс шесть. Двадцать семь лет будет, когда закончишь. Ужас! Жизнь прожита, а ты только институт закончил», – быстренько додумала Полина.

– Ну идём! – парень подошёл к ней и взял за руку. – Солдат ребёнка не обидит.

Полина рефлекторно вырвалась. Прикосновения к мужчинам на публике всё ещё были табуированы в её сознании.

– Ладно. Извини. Был не прав. Фамильярничать негоже, – он выпустил её ладошку. – Меня зовут Станислав.

– Полина, – опять проблеяла препротивным сопрано наша героиня и густо-густо покраснела. Рука у Станислава была тёплая и сухая.

«Зря я так. Подумают ещё, что смольная институтка, пороку не нюхавшая!»

– Пошли! – она спланировала на октаву ниже и добавила в голос насыщенности. Решительно взяла его под руку и потянула по великолепной лестнице вверх, в первую аудиторию, где мальчишек и девчонок от семнадцати и старше торжественно посвящали в студенты медицинского вуза.

Ах, эта первая аудитория одесского медуна! И аудитория одесской анатомки. Ах, эта магия амфитеатров! Эта арена под куполом, храм-цирк и чудеса акустики. Если и стоит поступать в высшее учебное заведение, то только в такое, достаточно старое, где ещё чувствуешь себя сопричастным таинству... А что за таинство в современных зданиях, построенных строительством по универсально неликвидным проектам госпиталей для дружественных африканских республик? С их квадратно-гнездовыми, свистящими морозом изо всех углов классами, корпусной мебелишкой, задрипанными конференц-зальчиками и коридорами, больше похожими на тоннели для скрытой передислокации бронетехники... Простите автору минутку ностальгического высокомерия.

Что касается Полины, то, попав сюда впервые в девятом классе на первую лекцию «Юного медика», она подумала, что не так уж и плохо, если что, учиться именно здесь. Влияние архитектуры и интерьеров на неокрепшие умы всё ещё недооценено и является куда более мощным и эффективным воздействием на личность, чем все психологи, вместе взятые, так называемое нейро-лингвистическое программирование и бог знает ещё какая ерунда. Храмы, театры, аудитории... Запах ладана, акустика, скрип мела по огромной пепельно-чёрной доске. Священнослужение, лицедейство, академичность... И никаких комнатух, флипчартов и текстов от «тренеров», похожих по содержанию и консистенции на переваренную капусту!

Взрослые мужчины, слипшись со своими белыми рубашками, несут что-то о предназначении. Тётки в оплывших морковно-голубых, подчёркнутых густо-чёрным макияжем обмахиваются папочками. Смотреть на это сверху вниз забавно. Ещё интереснее исподтишка озирать свежеепечённых первокурсников. Кто-то там, пониже, подобострастно внимает ораторам, а тощенький рыжий паренёк в очках даже что-то конспектирует в тетрадочку.

«Он что, записывает эту восторженную чушь?» – подивилась про себя Полина.

Красивая, округленькая, пышненькая, очень хорошо одетая брюнетка, сидящая рядом ниже, смотрелась в зеркальце, придавая своему лицу поочередно то высокомерное, то презрительное выражение.

– Дочка главного врача больницы водников, – шепнул Полине Станислав, заметив, куда она смотрит.

– Очень хорошенькая, – быстро сказала Полина, смутившись, и немедленно уставилась вниз.

– Ага. Роскошная женщина. Мечта поэта. В неё до смерти влюблён один там... из Винницы. В нашей общаге живёт. Хороший парень, только чокнутый. А она играет. И ведь доигрывается! Даже не представляет, какой он псих. Наедине с ним такая лапушка. Как только больше трёх собираются, давай его подкалывать, мол, ему одесская прописка нужна. Да так, знаешь... очень зло. А он только молчит и хрустит. Похоже, нервы гибкость теряют.

– Станислав, меня это не интересует! – пресекла Полина, хотя ей до жути было любопытно, как именно эта девица играет с психом из общаги.

«Нет уж! Не хватало с места в карьер отхватить в этом театре амплуа женщины-друга. Может, на роковую красотку я и не тяну, но и «своего парня» этим... прецизионным станкам от меня не дожидаться!»

Поля вдруг почувствовала себя такой серой мышью по сравнению с разодетой в пух и прах брюнеточкой с тем восточным типом лица, что ещё встречается у исконных чистопородных хохлушек. У неё, Поли, не было ни такой соблазнительно выпирающей груди, ни пудреныцы, явно не промтоварного происхождения, ни пухлых пальчиков, униженных колечками,

как у продавщицы ювелирного, когда та для демонстрации покупателю натягивает их на себя с десяток...

«Девочка-мальчик, вот ты кто! Тошная, бесцветная доска. То-то в тебя тот престарелый танцор втюрился. Все они, танцоры, того... Да! Именно как в классической античной литературе...»

– Ну и правильно, что не интересуется. У тебя тут скоро свои интересы появятся, – прокомментировал неугомонный одноклассник. – Можешь звать меня Стас. Так меня зовут пацаны. Одесские девочки Стасиком кличут. А дома, в деревне, – Славиком.

Всех, кто был в аудитории, поздравили, посвятили, отослали в библиотеку за книгами и в деканат за студенческими билетами. День был тёплый, сумбурный и весёлый. Полины одноклассники показались ей замечательными, хотя и несколько, в массе своей, глуповатыми. Учась в школе, она полагала, что школьники умнее детсадовцев, студенты интереснее школяров, а взрослые люди дадут фору любому неоперившемуся птенцу. Откуда ей было знать, что в жизни всё не так линейно.

Парни пригласили её в кафе и налили крохотную рюмку коньяку. Пятьдесят граммов. Это была её первая порция спиртного истинной градусности.

Дома ей запрещали пить даже шампанское. Каждый раз, когда за столом собирались гости, мама пресекала любую попытку налить достаточно взрослой уже дочери «газированного вина» двадцатым повтором леденящей душу истории об одной девочке, регулярно выпивавшей в родительском доме шампанское на Новый год, и теперь эта девочка – алкоголичка. Ну, то есть женщина. Падшая женщина-алкоголичка. А всё начиналось с безобидного шампанского. Следом – уже первая сигарета и вообще полный разврат в виде брака и закономерно следующего за ним развода. Все курящие алкоголички несчастливы одинаково, и никаких успехов у них ни в труде, ни в семейной, ни в личной жизни!

Гости не спорили с мамой, а Полина – и подавно. Правда, было дело, лет в четырнадцать она выпила целых два стакана вермута. Но дело было в Ленинграде. Они тогда с троюродной сестрой-ровесницей жили в университетской новостройке на Гражданском проспекте. Дядька был в геолого-разведочной партии. Тётка жила своей жизнью, а Полю и Аню отправили не то с глаз долой, не то охранять новую квартиру с новой же мебелью и прочими материальными благами. От вермута, как апогея независимости, найденного в баре отца кузины – геолога, сперва стало весело, а потом мутно. Девочки сидели на зелёном сукне профессорского стола и болтали о чём-то вечном – о любви, поэзии, театре, о том, чего это «только одного надо» этим «прецизионным станкам и бетономешалкам с розетками», и об арабских языках. О языках говорила преимущественно сестра, причём – сама с собой. Потому что Полину к тому времени уже стошнило, и она стояла под холодным душем, дав себе слово никогда-никогда ничего-ничего крепче кефира не пить.

– Анька, а ты знаешь, что такое «техника безопасности»? – спросила Поля сестру, перед тем как заснуть.

– Знаю! – уверенно ответила Аня. – «Спички детям не игрушка!» и «Осторожно! Работают сапёры!».

Последнее, что запомнила Полина, перед тем как погрузиться в тревожный похмельный сон, – красивая грудастая брюнетка сестра подкуривает толстую длинную кубинскую сигару из того же отцовского бара и разговаривает по-испански с Фиделем Кастро на плакате. Возможно, это была галлюцинация. Хотя случаи белой горячки после первого принятия слабоалкогольных

напитков типа вермута в клинической психиатрии не описаны. А может, и описаны. Психиатры сами, случается, пьют. Так что мало ли кто чего понапишет, чтобы мы, добрые внушаемые обыватели, взяли да и поверили. И отравили себе этой верой жизнь похлеще любого алкоголя. Или, там, табакокурения.

Первая студенческая рюмка коньяку здорово искривила пространство и время. На часах было уже шесть вечера, и Полина понятия не имела, что она скажет матери на предмет столь длительного несанкционированного отсутствия.

– Зонттик! – не к месту захихикала она.

– Зачем зонттик, дождя ведь нет. А если и будет – не сахарные, не размокнем, – отреагировал Стасик на реплику. Они прогуливались по Приморскому бульвару, немного отстав от компании.

– Да нет! Ты не понял. Зонттик в жопу! – уже заливалась хохотом Полина.

– Ты чего?! – испуганно спросил парень, видимо не ожидавший от юной прелестницы подобных речевых оборотов.

– Да не. Не пугайся. Это я так. Это мама мне рассказывала о «розетках», «прецизионных станках» и «бетономешалках». Нет. Про это папа рассказывал. А мама про блядь. Ну и про зонттик. И про жопу, – Полина поскуchnела и приготовилась расплакаться.

– А давай я тебе мороженого куплю и домой провожу, – предложил Стасик успокаивающим тоном. Стороннему наблюдателю моментально стало бы ясно, что с хмельными девицами дело ему иметь не впервой. Но только не с такими юными и домашними, как Полина Романова. Так что он уже проклинал компанию парней за опрометчиво налитую вчерашней школьнице рюмку, но заранее принимал всю ответственность на себя, если что.

– Давай, – послушно согласилась Полина, и плакать ей сразу расхотелось. Она очень любила мороженое. Здесь. На Приморском. Продаётся в будке у Потёмкинской лестницы. – Абрикосового. И домой проводи. Но только до подъезда. В квартиру я тебя не пущу, чтобы ты не пугался.

– Ладно. Понятно, – сказал Стас, который, откровенно говоря, ничего не понял. Чего это она его в квартиру не пустит? Неубрано, что ли? Ой ты ж господи ты боже ж мой, какие эти горожанки балованные и щепетильные. После колхозного детства, армии и общаги – разбросанные по паркету тапки и плюшевые мишки или, там, пыль в углах... Смешно.

Они подошли к арке. Полина чувствовала себя обязанной поболтать о том о сём пару минут. И постараться вежливо спроводить Стасика домой. Вернее, в общагу. Стасик же уходить не собирался и, несмотря на своё «понятно», явно рассчитывал на вкусный домашний ужин, как и любой галантный кавалер. Есть же у этой Поли папа и мама? Или хотя бы мама. И значит, в квартире этой девчонки есть вкусная еда. А в той общаге шаром покати. Если что и было в холодильнике, так соседи-старшекурсники уже давно сожрали. Готовить же лень. Да особо и не из чего, честно говоря.

– Ну давай я зайду и сдам тебя с рук на руки, если уж ты так боишься своих родителей, – ещё раз предложил Стасик, пожалуй, настойчивее, чем следовало бы. Что за девица?! Ничего не понимает! Мужика надо кормить!

– Не родителей, а маму! – мрачно буркнула Полина. – И боюсь я не родителей. И не за себя. А за тебя!

Она ни за что на свете не призналась бы, что ей попросту стыдно. Мама будет прожигать Стасика взглядом профессионального чекиста в поисках стигм всевозможных пороков.

Полине вовсе не хотелось портить то хорошее впечатление, которое она, как ей показалось (что вполне соответствовало истине), произвела на ребят. Они все были очень милы. И смешной рыжий домашний мальчик Вася, который ежесекундно краснел. И разбитной Вадим, который ей, к слову, очень понравился. И длинноволосый Тарас в элегантных очках, говорящий загадочные слова многозначительным тоном. И Серёжа – грубый, но добрый. И даже этот несколько неуклюжий, мешковатый, уютный Стасик-Славик, проявивший себя истинным джентльменом, несмотря на смешной малороссийский селянский акцент. Особенно рассмешил её психованный умник, который, низко поклонившись, торжественно представился:

– Примус! Не потому, что вечная игла в жопе, а потому, что всегда первый!

– Анна Ярославна! – ответила Полина, приседая в книксене.

– Что, поди, хреново там, во Франции-то? – понимающе усмехнулся одноклассник, имени которого Полина сегодня так и не узнала.

– Да не сладко. Мыться – не моются. Писать-читать толком не умеют даже придворные. Чёрт знает что такое, а не европейское королевство!

Никто из компании здоровенных парней-переростков ничего, признаться, не понял. Примус – тот всегда с придурью-заумью. А девица, похоже, непроста, ох непроста! Ребёнок ребёнком с виду, но чтобы Примус даму заметил и был всерьёз, а не в клоунату почтителен?.. А он был. О чём они там шептались и хихикали? Снобы! «Снобы» же шептались и хихикали о том, чем большое и светлое чувство под названием «дружба с первого взгляда» отличается от не менее большого и светлого, именуемого «любовью с первого взгляда». И что случается реже, а что чаще? И что в данном конкретном случае испытывал Примус? А Полина? Так и не разобрались. Но Примус на прощание приложил к ручке и сказал, что вынужден всех покинуть, дабы разобраться и начертать алгоритм.

– Слушай ты его больше! Он очередь в порт на разгрузку занимать полетел. Для себя и меня, – сдал товарища Вадим Коротков. – Мне-то много не надо, кино-вино-домино и пожрать, а Примус у нас – щёголь и интеллектуал. Ему ещё тряпки и книги нужны в безумных количествах.

Пока Полина путалась в воспоминаниях, придумывала весомые оправдательные аргументы для «отчёта по задержке», а новоявленный одноклассник недоумевал, в просвете арки появилась растрёпанная мама. В халате и тапках. Она походила на валькирию, если ваше воображение может нарисовать себе валькирию в байковом халате и матерчатых тапках. Полина в ужасе замерла. Чёрт! Она совсем забыла, что окна их квартиры выходят на улицу. И значит, тапан уже некоторое время наблюдает... Нет-нет, у неё выдержки бы не хватило. Иначе она как минимум причесалась бы и надела платье. А ей, Полине, определённо нельзя пить даже в таких вот гомеопатических дозах. Потому что прощай, лисья хитрость и кошачья расчётливость. Так проколоться! Окна!.. Что сейчас будет?!! Позор сейчас будет! Боже, как стыдно!

Предчувствия Полю не обманули. Мама не поздоровалась и не познакомилась. Она начала бросать несчастному Стасику в лицо хлёсткие обвинения в том, что... Лучше вам этого не знать. От удивления тот открыл рот и не мог вымолвить ни слова, настолько тексты этой внезапно появившейся гарпии были далеки от действительности. Полина же, обычно весьма слезливая в таких ситуациях, вдруг расхохоталась. Мама повернулась к ней и, поведя носом, голосом верховного судьи вынесла обвинительный приговор:

– Да ты пьяная! И накурилась!!! – К слову сказать, курила Полина очень умеренно, и ей это совсем не нравилось. Но так было надо. Точнее – не надо. Для взрослого и умного человека. Но Полина была молоденькой и, несмотря на сумму знаний, всё ещё весьма глупой девицей.

– Ага! – охотно согласилась Поля с мамиными обвинениями в её адрес и заслонила собой неуклюже-обалдевшего Стасика. – Только они, мама, почему-то того самого «одного» не попросили. Просто так налили. Наверное, они не мужчины! – ляпнула Полина и неэлегантно – не до политесов – подпихнула незадачливого товарища и помахала ему ручкой, мол, уходи быстрее. Два раза повторять не пришлось.

– До свидания, Полина! До завтра! До свидания... э-э-э... было очень приятно познакомиться!

Полина прыснула. Стасик-Славик отчалил, смешно подкидывая слегка кривоватые ноги. Хорошо, живым ушёл. Какой там ужин.

Уже дома, обнюхивая Полину одежду, мама подвывала: «Только через мой труп!» Поля параллельно уже грешным делом представила себя перешагивающей через труп матери. Картинка была скорее оптимистичной, нежели провокативной – для подростковой психики. Предложив, в качестве компромисса, освидетельствоваться у гинеколога на предмет «самого страшного», что могло с ней сегодня произойти, Поля имела в очередной раз неудовольствие лицедрезать кратковременный обморок, а очнувшись, тапан заявила тоном примы провинциального театра, что она родила чудовище. Поля согласно кивнула и сообщила, что отправляется в колхоз. Сбирать помидоры, перцы, баклажаны и активно участвовать в студенческой жизни всеми предписанными деканатом способами.

Полночи мама читала монолог, живописуя геенну огненную для неблагодарных дочерей, заламывала руки и звонила подругам в поисках путей получения справки о неизлечимости Полиной головы. Безрезультатно. Поля была непреклонна:

– Или колхоз, или я забираю документы! Потому что больным, особенно на голову, обучение в мединституте и, тем более, путь врача – заказаны!

Шантаж снова сработал. Ещё бы! Ведь на самом деле в медин поступила мама. Это она с упоением сжимала в руках студенческий. Именно она переживала во всех подробностях первый учебный день и прочую ерунду. И даже этих парней, если уж на то пошло. Полина же собрала свою старую «плавательную» спортивную вместительную сумку и легла спать. Завтра в восемь надо быть у деканата, садиться в автобусы и ехать в таинственный колхоз куда-то к чёрту на кулички. Что там студенты делают, в этих колхозах?.. Жутко интересно! И никто и ничто не сможет помешать. Потому что пришла пора взрослеть. И научиться свободе воли. Это, конечно, не так просто, как курс нормальной анатомии, но когда-то же надо начинать! Да не только в своей собственной уютной черепной коробке, где уже не счесть фантазий. Не только напоминая старого еврея из древнего анекдота, бьющегося головой о Стену Плача с мольбами к боженьке о выигрыше в лотерею. И вроде боженька согласен, да только старый еврей из древнего анекдота никак лотерейный билет не купит. Для того чтобы идти своим путём, надо хотя бы дверь открыть. А что там за дверью?.. Весь мир или всего лишь...

Коридор

Полина провернула ключ в замке, толкнула дверь и вошла. Из темноты на неё кто-то смотрел. Тигр угрожающе зашипел...

Тигр зашипел ещё раз, и глаза в темноте мигнули. Полина уже открыла рот, чтобы завизжать. Она панически боялась темноты. На крик обязательно явится кто-то живой, а нащупывать выключатель в незнакомом месте – совершенно бессмысленное занятие. Но завизжать не удавалось...

– Тонька, ты? – зло спросили глаза и потухли. Тигр захрипел и вцепился когтистой лапой в Полю, дрожа всем пушистым тельцем.

– Здравствуйте! Меня зовут Полина, – несколько сдавленно произнесла девушка, пытаясь: а) победить волевым усилием паническую атаку; б) разжать острые кошачьи «крючки». Пункт «б», кстати, весьма способствовал исполнению пункта «а». Давно доказано, что для психически здоровых людей боль физическая – куда более сильный раздражитель, чем всевозможные надуманные фобии.

«Ну вот, царапина на лбу, разодранное предплечье. Гладиаторский переезд! Чего же боле?!»

– Я буду жить в комнате Валентины Александровны Чекалиной, – практически просто-нала она во мрак, потому что Тигр и не подумал ослабить захват. Он ужасно боялся. И явно не чего-то метафизического. Он боялся самого страшного из зол – чего-то очевидно человеческого.

Из темноты продолжали зловеще молчать.

– Простите, а не могли бы вы включить свет? – Осязаемый, как разогретая поверхность бетонного мола, страх Тигра помог Полине окончательно справиться со своим собственным. Если от твоего спокойствия зависит кто-то более слабый, тут уже не до паники. Только и только прямое действие. Даже если ни с кем. Или с чем-то неосязуемо ужасным...

После небольшой паузы из пространства раздалось:

– Тут лампочка перегорела. Щас... – По голосу Полина не могла определить, кто там, в крошечной темноте, – мужчина, женщина или привидение. Голос был скрипуч, беспол и безжизнен. Неопределяемое нечто пошаркало куда-то в глубь пространства. Тигр расслабился и тихонько заурчал. Полина снова запихнула его поглубже в сумку.

– Чего это ты? – прошептала она. – Кто это? – Он в ответ лишь слабо мяукнул. Жалобно. Совсем не по-тигриному. – Эх ты! А ещё уссурийский! Слушай, а вдруг это местный коммунальный домовый бродит? Призрак Коммуны! Или, может, это какой-то обряд посвящения? Надеюсь, в корыто с отборными одесскими тараканами нырять не заставят?

«Призрак» уже шаркал обратно, судя по звуку. В руках он держал керосиновую лампу.

«Ерунда какая-то! Конец двадцатого века на дворе, и – керосинка!»

При мутном, колеблющемся свете «призрак» обернулся ожившим каменным изваянием и молча сверлил Полю глазками-буравчиками с поперечными змеиными зрачками. Во всяком

случае, так ей в тот момент показалось. Игра света и тени. Точнее – тени и тени – ещё более щекочущая восприятие забава. Над зловещими глазёнками нависали набрякшие веки. Венчали композицию выщипанные ниточки – вершина искусства старческого мейкапа.

«Женщина. Бабушка. Ну, то есть старуха Изергиль», – облегчённо подумала Полина и доброжелательно улыбнулась. Во всяком случае, изобразила доброжелательную улыбку во всю ширь отмеренного ей таланта. «Командор» продолжал пристально смотреть на девушку, не издавая ни единого звука и никак не реагируя на невербальные знаки, демонстрирующие любезность. То есть отрицающие агрессивные намерения.

– Здравствуйте!!! – проорала Полина, подумав, что старушка слегка глуховата. – Меня зовут Полина!!! Я! Буду жить!! В комнате!!! Валентины Александровны!!! Чекалиной!!! Я – Поля! Вы меня не помните?! Я – внучатая племянница Валентины Александровны!!!

– Чего орёшь? – безразлично-злым скрипучим голосом ответило изваяние. – Я тебя прекрасно помню. Сашки Романова дочь. Покажи документы.

Несмотря на явное нарушение логики диалога оппонентом, Полина достала паспорт и протянула его старушенции. Та извлекла из огромных растянутых карманов засаленного халата древние очки, дужки которых были обмотаны грязной изолентой, и стала изучать паспорт. Внимательно. Тщательно. Долго.

Поля так и стояла в тёмном коридоре со здоровенной сумкой в руках. Не хотелось ставить её на пол. Иди знай, что там ещё за пол. Тем более в матерчатых недрах притаился Тигр. Ещё смоемся ненароком, чёртов паникёр! Доставай его потом из неведомых измерений.

Полина переминалась с ноги на ногу (точнее, с сапога на сапог для особо торжественных случаев), не зная, что предпринять, а старуха всё реферировала основной документ гражданки Украинской Советской Социалистической Республики Романовой Полины Александровны, русской. Просматривая очередную страничку, она поднимала глаза на Полину и как бы понимающе ухмылялась. Казалось, она не паспорт рассматривает, а читает Книгу Бытия Полины, полную её глубоко сокрытых намерений, страшных тайн и вожделенных мечтаний.

Глаза, пока суд да дело, привыкли к темноте и начали впитывать в себя помещение.

Коридор, широкий, длинный, где-то вдали упирался в огромную дверь и под прямым углом сворачивал направо. Поля смутно помнила, что там, в невидимом продолжении, он делает ещё пару поворотов, чтобы, наконец, привести на кухню.

«Ступеньки! В кухню ведут три ступеньки, – вспомнила она скорее ортостатически-инстинктивно, чем ментально. – А дверь в тёткину комнату где-то там, за третьим поворотом – в той части, где есть большое окно».

Наборный паркетный пол утратил былую помпезность и ныне походил на того самого Ваську, который хоть и мог всё ещё цитировать наизусть целые главы, от Ерофеева до Бальзака и Шекспира, но медленно и верно умирал от самого что ни на есть пролетарского цирроза печени. Так и чудесные дощечки, некогда любовно подобранные и подогнанные одна к одной в некий узор, были затоптаны, заёрзаны и засраны. Но, казалось, всё ещё сохраняли былую весёлость, остроумие и даже некий блеск. Или хотя бы лоск.

«Глупо наделять неодушевлённое человеческим. Хотя в иных человеках и вовсе нет ничего одушевлённого. Взять хотя бы эту бабку. Паркет под её ногами точно живет!»

На стене слева висели в ряд пять электрических счётчиков. Огромных, чёрных, покрытых пылью, больше похожей по консистенции на известь. Это такая пыль, которая уже сама заслужила быть покрытой пылью. Скрывающийся под очередной эпохой предыдущий культурный слой. Внизу – страшные, толстые, сведённые судорогой провода. Чёрные кителя и белые ломаные руки военнопленных. Офицеров СС, с их аляповатой формой захватчиков с третьего спутника Юпитера... Почему офицеров СС? – «Не знаю. Отстань!» – А Юпитер при чём? – «Ты хочешь, чтобы я сказала, что они похожи на старые грязные счётчики электричества?» – Я всегда хочу того, чего хочешь ты. Потому что я – это ты и есть, балда!

Справа и слева вдоль стен стояло множество разнокалиберных шкафов, шкафчиков, тумбочек, стеллажей и полок, заставленных разнообразным хламом. Позже в их недрах Полина обнаружила невероятно интересные предметы, книги и даже любовные письма разной степени далёкости прошлого. Но пока, на первый беглый взгляд, в дрожащих тенях керосинки всё это напоминало ей Кафку.

На стене справа висели огромное цинковое корыто и велосипед. Судя по осязаемой на расстоянии толщине «культурных слоёв», ни тем ни другим не пользовались лет пятьдесят. На одной из тумбочек в треснувшей вазочке стоял букет засушенных бессмертников, какие растут под Казанью, куда Полина вместе с тёткой отправлялась каждое лето.

«Наверное, тётка Валька привезла... Лет десять назад», – подумала Полина и от этого почему-то защемило сердце. Котёнок пошевелился в сумке и что-то крикнул нечленораздельно. «Таможня» оставила изучение паспорта и сделала стойку на звук.

– Этто ещё шшшто такое?! – прошипела старуха, ткнув пальцем в направлении сумки.

– Это мой кот! Где я – там и он! Оставить мне его некому, а выбрасывать животных религия не позволяет! – огрызнулась Полина. – И вообще! Если позволите, я войду, наконец! Я здесь прописана, если вы уже прочитали! – изрекла она, вложив как можно больше сарказма в «если позволите».

– Входи. Это же теперь твоя комната, – монстр никак не отреагировал на сарказм. Просто не заметил. – Пока твоя комната. Сегодня прописана. Завтра – выписана! – вдогонку добавила старуха.

– Паспорт, – напомнила Полина.

– На, держи! – она сунула Полине паспорт, задев её своими узловатыми сырыми ручищами. Неприятно.

«Как будто к жабе прикоснулась», – мимоходом отметила Поля. В данный момент она была студенткой второго курса, и в начале первого семестра на цикле нормальной физиологии они уже пользовали жаб. Так что каковы они на ощупь, девушка уже знала. Точно такие, как эти руки.

– Принесёшь справку из кожвендиспансера, и по понедельникам – твоя очередь мыть полы в коридоре, кухню и туалет. У нас принято поддерживать чистоту! – продолжила старуха свои приветственно-ознакомительные речи.

– Ага! – подала реплику Полина, едва сдерживая смех.

«Нет! Надо же! Справку из кожвендиспансера. Зошченко возвращается! Чистота! Это вот эти полы, офицеры СС с Юпитера и её халат – чистота?!»

– Телефон больше десяти минут не занимать! Никаких компаний! Никакого шума! В туалете не блевать! – перечисляла старуха с интонациями тюремного надзирателя.

– Извините, что прерываю, но вы не представились или я не расслышала? – перебила её Полина.

– Я думала, твоя тётка много рассказывала обо мне, – в глазах старухи вспыхнули странные огоньки. Впрочем, тут же погасли.

– Ни единого слова. Мы с ней были не очень близки. Сказала – есть соседи. Есть вредные и не очень. Всё как всегда в любой коммунальной квартире.

– «Всё как всегда»! – передразнила визави. – Много ты знаешь о коммунальных квартирах, пигалица!

– Ну, я уже поняла, что узнаю здесь многое. Но для начала всё-таки неплохо было бы узнать, как вас зовут, а то как-то неудобно. Я не знаю, как к вам обращаться. Происходить это, видимо, будет редко, но хотелось бы, чтобы по возможности вежливо. Раз уж мы теперь соседи.

– А я смотрю, ты острячка. Ну-ну. Чувствую, будет весело, – старуха не то кашлянула, не то заскрипела. – Зовут меня Неля Васильевна Аверченко, ответственная квартиросъёмщица! – сиплым голосом отрекомендовалась она. – «Бабой Нелей» не называть! И если твой кот нагадит в коридоре – убью! – В последнее предложение она вложила столько злобы, что Полина поняла – пообещали убить отнюдь не кота. Или не только кота.

«Это же та самая «падла Нелька»! Это же именно она выбрасывает котят с балкона, да?! Неудивительно, что Тигр так испугался. Если тебя выбросят с балкона – будь ты трижды уссурийский, – тебе станет не очень-то по себе при виде, запахе и звуке того, кто... Цирк какой-то! Зачем это она?»

Вслух же новая жиличка лишь вежливо произнесла:

– Разрешите, я всё-таки пройду.

– Полина... – вдруг молвила старушенция почти человеческим голосом.

– Да? – моментально смягчилась Поля. Девушка она была добрая и чувствительная. Ехидство было всего лишь защитной реакцией. Она никогда не нападала первой, не хитрила и не обманывала без нужды. Чтила презумпцию порядочности и к людям относилась хорошо.

«Чего это я ополчилась на бедную старушку? Она одинокая, старая, несчастная женщина, а я шуточки шучу, кобылица эдакая!» – А котятOMETATEльный балкон как с «бедной старушкой» сочетается? – «Ну, может...» – Но не успела Полина ответить альтер-себе, как услышала:

– Сука была твоя тётка Валька редкостная, чтоб она сдохла быстрее! – бросила ответственная квартиросъёмщица и пошаркала прочь по длинному коридору.

Альтер-Поля самодовольно хихикнула. Полина вздохнула и ничего не ответила. Она дождалась, когда старуха исчезнет за поворотом и наждачное скольжение её доисторических тапок по мезозойскому мусору коридора окончательно стихнет. Затем достала из сумки зажигалку и медленно пошла, стараясь ни обо что не ушибиться, не поскользнуться и дойти до комнаты живой и, желательно, здоровой.

Метров через десять коридор, упёршись в большую дверь, действительно поворачивал под прямым углом направо. Здесь «аппендикс» имел ещё два входа. Куда именно – Полина понятия не имела. Не помнила даже смутно. Все три двери были закрыты. В крошечной тьме червеобразного отростка Полина обнаружила поворот налево. Свернув, больно ударилась обо что-то. На ощупь – полочка. Подсветила зажигалкой. На полочке – телефон. Старый, тяжёлый,

чёрный, с массивной трубкой на рогообразных рычажках. Этот участок лабиринта имел развилку – прямо и направо. Моторная память подсказала: «Сюда» – и Полина свернула по «правилу спецназовцев». Направо. «Точно!»

– О память сердца! Ты сильней рассудка памяти печальной...⁵ – негромко процитировала она Тигру.

Здесь было значительно светлее. Из давным-давно немытого окна струился пыльный вечерний свет одесской поздней осени. Окно выходило во двор. Вернее – прямо на чугунную винтовую лестницу соседнего дома – того самого – «музыкального».

«Навестить, что ли, Надежду Викторовну?» – подумала Полина и тут же, содрогнувшись, отогнала эту мысль. Воспоминания о ДМШ были отнюдь не самыми светлыми.

Она открыла дверь, поставила сумку на пол, вынула Тигра в полумрак божий и опустила его на порог:

– Ну, давай. Заходи. Теперь мы тут живём.

Котёнок не заставил себя долго упрашивать. Прокрякав пару своих коронных хриплых мягуков, он спокойно переступил линию, условно разделяющую в этой стране личное и...

⁵ К. Н. Батюшков. «Мой гений», 1815.

Колхозное

– До свидания! – решительно попрощалась Полина с хранившей ледяное молчание мамой и с невидимым, затаившимся в преддверии бури, папой. И аккуратно закрыла за собой дверь, еле сдерживая желание хлопнуть на весь подъезд.

Английский замок мягко клацнул, знаменуя начало второго сентября и второго же дня узаконенного студенчества и, значит, новой жизни. И Поля поставила себе «отл» в воображаемую зачётку. В графу напротив дисциплины «сдержанность» – одной из многих дисциплин в толстом внутреннем «кондуите» её несовершенств. Довольная собой, она легко сбежала по лестнице «суперфосфатного» дома и оказалась в большом дворе.

«Налево пойдёшь – на Воровского попадёшь. Направо свернёшь – на Чкалова окажешься. В школу уже не надо, а портить утро новой жизни трамвайной толкотнёй? Увольте!»

И Полина повернула в арку, ведущую на проспект Мира.

Таких дворов вы уже не найдёте даже в исторических центрах исторически же значимых городов – всё перестроено, облагорожено не слишком хорошим вкусом или изуродовано слишком большими деньгами. Дворы, подобные этому, соединявшему миры трёх улиц, представляли собой «культурные слои» разных эпох и формировались естественно, с течением времени, а не по мановению генплана застройки застроенного и перестройки перестроенного. Самой «пожившей» частью этой конгломератной симбиотической формы существования людей и строений был дворик, ведущий на Малую Арнаутскую улицу, носящую во времена описываемых событий имя революционера Воровского. Двухэтажное ветхое здание с трёх сторон окружало небольшое уютное пространство, где всё ещё были крохотные разнообразные палисаднички, засаженные у кого тюльпанами, а у кого и редиской. Скамейка, которую каждую весну красил один и тот же дядя Фима, сопровождая малярные работы пламенными упрёками в адрес соседей: «Как тухис воткнуть – так все нате пожалуйста! А как покрасить – так только дядя Фима хуй расчехляй!» Автор понятия не имеет, что бы могло значить это высказывание, потому что, по дошедшим до него сведениям, красил скамейки дядя Фима всё-таки кистью. Малярной растрёпанной кистью, крепко зажатой в правой рукой, а вовсе не...

В этой самой камерной, «кухонной» части проходного мира до сих пор – до тех, пардон, пор – был даже колодец. И когда в «большие» дома, прописанные по проспекту Мира и улице Чкалова, прекращали подачу воды, что в Одессе случалось достаточно часто, если не сказать регулярно, жаждущие напиться и помыться тащились с вёдрами в «старый двор». Где их встречал всё тот же дядя Фима. С кем парой слов перекидывался, кому в лицо выпускал дым от своей вечной беломорины, а иным и под ноги сплёвывал. И всем казалось, что они воруют личную дяди-Фимину воду из артезианской скважины, пробурённой не его дедом для всех, а собственноручно выкопанной дядей Фимой для себя. Но стоило процитировать строгому, презрительному, кореннее не бывает одесситу дяде Фиме: «Однако в сей Одессе влажной ещё есть недостаток важный; / Чего б вы думали? – воды»⁶, как он расцветал и начинал рассказывать, как Пушкин, сукин сын, спал с женой Воронцова, а дурочка Амалия⁷ оплачивала его

⁶ А. С. Пушкин. «Евгений Онегин», Одесская глава.

⁷ Амалия Ризнич, жена богатого купца Ивана Ризнича. Та самая «...негоцианка молодая, / Самолюбива и томна, / Толпой рабов окружена? / Она и внемлет и не внемлет / И каватине, и мольбам, / И шутке с лестью пополам... / А муж – в углу за нею дремлет, / Впросонках фора закричит, / Зевнет и – снова захрапит». Так что «наше всё», умудряясь вкусно поесть за счёт законного супруга Амалии, не стеснялось ещё и обсмеять последнего. Не по-дворянски, да.

счета у Отона⁸ из мужниного, разумеется, кармана. Да всё это с такой страстной живостью, как будто он был непосредственным участником событий. Ещё дядя Фима лично знал не только Ильфа, Петрова, Олешу и Бабеля, не только ловил рыбу с Багрицким, но и давал ценные советы полководцу, штурмовавшему крепость Гаджибей, присутствовал при подписании Екатериной Великой соответствующего указа, а после сам дробил камень молотом, чтоб «скоро звонкой мостовой» покрылся спасённый им, дядей Фимой, город «как будто кованой бронёй».

Дядя Фима не только любил, но и писал стихи. Его никто не слушал. Кроме маленькой Полины. Она же не только слушала, но и запоминала.

*Когда б могли мы повторить проект,
«Налогом Дерибаса» прозванный потом уж,
И выставить дорогами Планету
Путями привнесённых наших душ.
Тогда, возможно, твёрже камня слово
Лежало б под ногами Часового... —*

бормотала себе под нос маленькая Поля, кружа по двору, не различая границ ареалов, что свойственно лишь смелым своей несмышлёностью детям кошек, собак и людей.

И Полиным родителям вёдра с водой дядя Фима приносил сам. Поэты – очень благодарные люди.

Ещё Полина имела право на качели старого двора, могла безнаказанно любоваться красными тюльпанами и есть первую майскую редиску, выращенную древней матушкой дяди Фимы на крохотном клочке почвы в самом центре асфальтового города.

Позже ей разрешалось ходить в школу через «левые» ворота, срезая длинный крюк. Мальчишки-девчонки «старого двора», смеявшие по недоумию посягнуть на это священное право Полины и заявить ей: «Шо это ты через наш двор шастаешь?!» – имели дело непосредственно с дядей Фимой.

– Как жаль, шо она не еврейка! – вздыхал иногда дядя Фима, глядя на задумчивую тихую девочку. – Мы бы выдали её за племянника Арона.

Кто такой этот Арон, представлявшийся Поле отчего-то не человеком, а материком, и каков загадочный племянник этого материка, она так никогда и не узнала.

– А почему, если я не еврейка, мне нельзя выйти замуж за племянника Арона? И кто я, если не еврейка? И как это узнать?

– Кушай салатик, деточка-дурочка! – ласково говорил ей дядя Фима.

– Папа, я не еврейка? – спрашивала шёпотом маленькая Поля у отца, не получив разъяснений от дяди Фимы.

– Нет, конечно! – тоже почему-то понижал голос папа.

– А кто я?

– Ты – русская.

– А как это получается, что я русская, а дядя Фима – еврей?

– У тебя мама и папа – русские, поэтому ты русская. А у дяди Фимы – и мама и папа – евреи. Поэтому он еврей.

⁸ Известный одесский ресторатор времён пушкинской ссылки в Одессу.

– А замуж выходить за племянника Арона мне нельзя, потому что межвидовой барьер, да? – понимающе резюмировала Поля, только-только прочитавшая в энциклопедии умное определение. – Кролики не женятся на курицах?

– Э-э-э... Не совсем так, – смущался папа. Он мог сколько угодно говорить с Полиной о теплопроводности и сопротивляемости материалов, а самые интересные и простые вещи никогда не мог толком объяснить.

– Тогда как у жеребцов с ослицами? Жениться можно, но потомство будет бесплодно, да? – не унималась Поленька.

Папа хватался за любую возможность – трубку телефона, мытьё грязной посуды, поход в магазин. С радостью отчаявшегося, он готов был хоть на Луну полететь, лишь бы слезть с этих театральных подмостков, куда из зала на тебя пристально нацелена пара детских любопытных и доверчивых глаз. Учителями не становятся. Так или иначе объяснить можно всё. Жить с этим грузом под силу далеко не каждому.

«Правый» и «центральный» дворы, ведущие, соответственно, на Большую Арнаутскую, названную советской властью именем доблестного советского лётчика-хулигана Валерия Чкалова, и Александровский проспект, известный Поле как проспект Мира, были более поздними – созданными в пятидесятые-шестидесятые. «Новыми» дворами. Что было на их месте раньше – девочка не знала. Но её воображение рисовало близнецов «старого двора» вокруг огромных каштанов и тополей, и мир её становился пасторально-вечным. В каждом из пространственно-временных «коридоров» этих параллельных миров существовали свои компании, и лишь маленькая Полина свободно перемещалась в любую сторону, с лёгкостью входя «в контакт» и с мужиками, «забывающими козла» на столике «правого» двора, и с подростками, пьющими портвейн под гитарные переборы двора «центрального». Её с удовольствием подбрасывал вверх Пётр Иванович («Раздолбай! Кран протекает, а тебе только бы в домино!»), и старшеклассник Пашка Городинский («Паша! Иди домой, сколько тебе говорить!») трепал за щёчку, и даже служительницы столовой («Светка – блядь редкая!»), кутившие у служебных врат, выходящих в угол «правого» двора, выносили ей сколько угодно компота из сухофруктов. Люди обращали внимание на Полину лишь потому, что она обращала внимание на них, а не старалась привлечь внимание на себя. Люди любят, когда ими интересуются. Люди влюбляются в того, чей интерес искренен. Поля искренне интересовалась людьми и миром. Кстати, с миром это правило тоже действует, автор не раз проверял. Мир так же влюбчив, как и люди. И мотивы мира вполне человеческие. И у людей изначально – мирные. Или мирские. Поля тогда не отделяла.

Времени до сбора под деканатом было предостаточно, и новоиспечённая первокурсница, выйдя на проспект Мира, отправилась в свой пеший поход. Ей предстояло миновать Кировский скверик, где по утрам сплетничали собачники и гонялись за инфарктом редкие физкультурники. Позже, ближе к полудню, скверик заполнится мамочками с колясками и «прогулочными» детсадовцами того самого дошкольного учреждения, находящегося в «правом» дворе, куда когда-то ходила и сама Поля.

Пройти проспект насквозь и уткнуться в здание ресторана «Киев». По задумке градостроителей Александровский проспект должен был спускаться к морю. Но какая-то тогда тёмная история вышла (а истории застройки городов светлыми не бывают) не то с правом собственности, не то с деньгами (что суть одно), и некий купец воткнул это круглое здание аккуратно на пути следования магистрального Александровского проспекта. Взял да и выстроил, не убоившись самого государя-императора. Поскольку отнюдь не государи, будь они трижды императоры, правят материальным миром. Материальным миром правят материальные же средства.

И у простого купца обычная наличность может быть куда более достоверно ощутимой, чем у самого сложного государя самой непростой империи. Так он и жил, бедняга-проспект: начинался у Привоза и утыкался в ресторан.

Минуя Дерибасовскую и пройдя по Гоголя (приветливо сделав ручкой носатому барельефу), выйти на Комсомольский бульвар. Полюбоваться панорамой порта – и вот уже и до Академика Павлова рукой подать через крохотный сквозной переулочек без названия. Там, на углу с улицей Короленко, наискосок от Художественного музея и толпились около деканата её однокурсники.

«Спортивный костюм, тёплая кофта, кроссовки, зубная щётка, чашка... Вроде ничего не забыла, – гордилась собой Полина. – Ну что там ещё может понадобиться, в этом колхозе?»

Неведомый колхоз представлялся чем-то белозубым и задорным из телевизора. Чем-то вроде пионерского лагеря, только для взрослых. Там всем весело, все поют, играют в подвижные игры. Какие подвижные игры могут быть у взрослых? Ну, какие-то наверняка есть. Что взрослые – не люди? Должны же они как-то двигаться, в конце концов! Играючи, например.

Были студенты с папами-мамами. А были и без.

«Никуда без родителей не могут! Уже студенты, а за ручку ходят! Тоже мне – великое путешествие – за Кудыкину гору паковать помидоры! Некоторые мамы ещё и плачут. Ох ты ж господи!» – фыркала про себя Полина, гордая своей внезапно отвоёванной без особого кровопролития самостоятельностью. Точнее – её видимостью. Но в юности репродукция картины мира принимается за саму картину без лишнего слова. Редко у кого по молодости хватает ума на мужество объективности. Может, и хорошо, что не хватает? Всё-таки любую картину – в том числе мира – следует для начала обозреть издали. Насладиться, принять всю как есть и только потом погружаться в механику процесса манипуляций цветом, полутонами, светом и тенью...

Справедливости ради (а не для оправдания высокомерных девических размышлений) заметим, что подавать документы Полина явилась без родителей. И на экзамен свой единственный сходила без мамочки-папочки. Многие и многие вчерашние школьники даже узнать, где главный корпус находится, и уж тем более – где там приёмная комиссия, без взрослых не могли. А на вступительных экзаменах и вовсе в обмороки падали на руки – ладно бы только мам-пап, так ещё и бабушек-дедушек.

«Живут же и Вадим и Примус как-то без мам и пап? Хотя, конечно, они на целых четыре-пять-шесть лет меня и моих этих инфантильных одноклассников старше. Столько лет разницы, если разобраться – целая эпоха. Огромный срок. Что со мной будет через четыре-пять-шесть лет? Страшно представить! Может, я уже академиком стану? Или три раза замуж схожу. Или пироги научусь готовить? Или... Нет, за такой длительный период столько всего может произойти, что лучше об этом не думать!»

Оставим на совести юной дурочки то пренебрежение, с коим она отделила себя от «этих инфантильных одноклассников». Тем паче события, что вот-вот произойдут, дадут ей понять, что она такая же мамина дочка, как и большая часть её ровесников. Если не хуже.

Своих одноклассников она увидала издали – среди этих взрослых дядек не суетился ни один родитель с последними советами и прародитель с торбой тёплых пирожков.

Заместители деканов бегали туда-сюда, сверяясь со списками и давая ценные указания.

– Филипп Филиппыч! А ты, значит, Полина Романова? Этих-то оболтусов я всех знаю, – отрекомендовался Полине плотный кривоногий брюнет. – Доцент кафедры физиотерапии, куратор вашей группы, а также твой ангел-хранитель от этих чудовищ.

– Здравствуйте, – вежливо ответила девушка. – Я.

Примус отчего-то злобно хмыкнул. Широкая спина Вади Короткова немедленно нарисовалась перед Полиной.

– Не волнуйтесь, Филипп Филиппыч, солдат ребёнка не обидит, а «ангелу-хранителю», если вдруг крылья чересчур... хм... топорщатся, может и на пятаки кое-что порубить.

Полина шутки не поняла. Парни загоготали. А доцент покраснел и рявкнул важным тоном:

– В автобусе не пить! И чтобы без всяких мне там...

– Не волнуйтесь, Филипп Филиппыч, всё будет в ажуре! – совсем другим, моментально изменившимся – миролюбивым тоном заверил его Вадим. Что-то во всём этом было Поле очень непонятное. Очень-очень мужское. И в то же время весьма походило на так и не состоявшуюся драку дворовых котов.

– *Пицицици, ты зачем сюда?*

– *Кххххххх, можно подумать!*

– *Вот и канай, уаоуууууу!*

– *Кххххххх, больно надоуууууу!*

Но чувствовалось, если что – то до последнего клочка драных ушей, до последних кончиков выданных усов. И даже не по делу. И не за идеалы. И не во имя прекрасной дамы. Не из рыцарского кодекса вообще. А чисто из принципа.

«Не права наша невоспитанная родственница тётка Ольга. Мужчины – не козлы. И я не права. Они – и не прецизионные станки тоже. Точного в них ничего нет. Мужчины – коты. Кто с помойки, а кто и тигр. Но – коты, коты, коты...»

Впрочем, и тут Полина была далека от истины. А кто к ней близок в восемнадцать? А в сорок? А в восемьдесят?.. То-то и оно! А кажется, всего делов – стой на своём. Да не всё так просто, как выясняется. Как выясняется и в восемнадцать, и в сорок, и в восемьдесят...

Спустя полчаса автобусы благополучно отбыли, впервые в жизни увозя Полину в долговременную поездку без родителей, тётушек и нянюшек. Вольный ветер странствий et cetera...

Ехали долго. Часа четыре, а то и все пять. Болтали, песни пели, ели, останавливались у посадок, чрезвычайно редко встречавшихся среди бесконечных малороссийских полей. В какой-то момент Полина уснула, уронив голову Вадиму на плечо. Тот сидел смирно, как будто аршин проглотил, за что был подвержен добродушному осмеянию со стороны товарищей. Особенно – циничного Примуса. Уже знакомый с маман Стасик шутил, таинственно намекая на то, что к Полине прилагается Цербер в халате и тапках, Тарас глубокомысленно поправлял очки, а застенчивый Вася просто краснел. Всего этого она не видела и не слышала. Последние дни были слишком урожайны на впечатления и слегка подкосили неокрепшую девичью психику. Пара часов хорошего крепкого сна ещё никому не вредила. Потом уснул и

сам Вадим. Этот мог спать где угодно и как угодно, включая – на болотной кочке под грохот артобстрела.

Но впечатлений, как известно, много не бывает, как бы вам ни казалось, что уже всё, край... Земля круглая, потому при малейшем изменении во времени снова открываются неизведанные горизонты. А за ними – ещё. За ещё – ещё. И так до полного оборота вокруг. Но если снова сменить пространство, то при малейшем изменении во времени... На языке вертится какое-то очень подходящее слово... Бесконечность! Вот. Она самая. Бесконечность впечатлений так же циклична, как бесконечна сама цикличность, простите автора за одесский бич.

Бравых студентов-первокурсников привезли в село Глубокое Татарбунарского района Одесской области. И будут размещать, как объявил громогласный Филипп Филиппыч, в помещении бывшего санатория для больных туберкулёзом детей.

Тут просто необходимо сделать очередное, в ряду бесконечных, лирическое отступление.

Полина, конечно же, испытывала муки моральные, взрослея под диктатом мамы-манипулятора. Она, естественно, мёрзла, как все дети, перекатавшиеся зимой на санках. Поля даже знала, что такое туалет класса «нужник». Но если совсем честно: Полина никогда не знала по-настоящему некомфортных условий. Необходимость пользоваться туалетом в поезде была для неё физиологическим стрессом. Существом она была избалованным и, чего греха таить, совершенно неприспособленным к существованию где-нибудь, кроме «суперфосфатной» «сталинки» и пары загородных домов. Нет-нет, она вполне могла постирать в тазике носки. Если в тазик из крана можно было набрать тёплой воды. Легко поджаривала себе яичницу. На газовой конфорке. При помощи сковороды и масла. И заваривала чай. При наличии, собственно, чая и кипятка. Спокойно спала на полу – если пол был достаточно тёплый и на нём лежал толстый матрас. Даже в одной комнате с другими людьми Полина находилась совершенно безболезненно. Если эти люди были родителями, родственниками или, на худой конец, друзьями родителей и родственников. И ещё – Поля панически боялась темноты. Особенно если в эту темноту была погружена совершенно незнакомая, никогда не виданная прежде местность.

Тут же, в отнюдь не пасторальных сельских сумерках, Полиному взору предстал длинный, как ленточный червь, одноэтажный барак. Перед ним царили грязь и запустение. Метрах в двадцати от входа стоял на кривых арматурных ногах жёлоб, над которым были подвешены алюминиевые умывальники, судя по их контурам, регулярно служившие мишенями для метания камней из пращи. Справа находилось серое двухэтажное облупленное здание неясного назначения. Чуть вдали угадывался какой-то водоём, откуда доносился мощный лягушачий хор. Несмотря на всего лишь второе сентября, было сыро и промозгло. Совсем не так было бы сейчас дома. Она бы наверняка пошла на Ланжерон с одноклассниками. Или в яхт-клуб с подругой. Или с компанией взрослых дядек (из того же яхт-клуба) – аспирантов Таниного папы – на студенческий пляж, ещё именуемый «собачьим». Такой кусочек дикого берега за «Дельфином», отделяющий шумные городские пляжи от группы маленьких, уютных, убранных береговых полос разнообразных «блатных» санаториев-профилакториев. Лучше всего, конечно, с компанией аспирантов. С ними спокойно, они заботятся и говорят умные красивые слова. На пляже был бы нагретый песок, она бы сплавала до волнореза и обратно в бархатной тёплой сентябрьской морской воде. Её бы предупредительно укутали в большое махровое полотенце, когда она вышла. И подали бы бутерброд с докторской колбасой и свежим огурцом. После она бы приняла дома ванну и отправилась спать в чистую постель... А вот этот вот «вольный ветер странствий» прямо сейчас – как печальная сиротская песнь. Бесприютен и нездоров. И никто не спешит накинуть на тебя большое махровое полотенце. Да и ванны, судя по всему, не предвидится. Ну, должен же тут быть хотя бы душ! Его не может не быть в санатории! Тем более – в санатории для больных туберкулёзом детей.

Полина ещё раз обзрела убогий жёлоб со всеми прилегающими к нему причиндалами. Надежды это не вселило. Призрак уютного нагретого вечернего моря бередил душу, поднимая печаль сиротской песни на тональность.

«Надо же, всего лишь какие-то четыреста километров...»

Студенты высадились. Автобусы уехали. После переключки началось расселение.

– Ну что, Романова? Определилась? С твоими товарищами, как ты понимаешь, я тебя разместить не могу! – ядовито засмеялся каракатый Филипп Филиппыч, подкатившись сбоку к Полине.

– Почему? – глупо спросила она.

– Правда не понимаешь или прикидываешься? – прищурился куратор. – В медин стали принимать слабоумных девиц!

– Ах да. Извините, – Полина покраснела.

– Ну, пока ты шашни в автобусе разводила, девчонки все перезнакомились, так что теперь – куда примут или где место останется. – Он ещё раз злорадно рассмеялся и ушёл.

Все разошлись, и Полина осталась перед зданием одна. Было невыносимо обидно. И за несправедливое обвинение в «шашнях», и за то, что парни действительно бросили её тут одну.

«Даже сумки покидали, гады! Конечно, себе места получше занять. А я никому не нужна, и сама – ничего не умею! Неприспособленная тупая курица! Надо было соглашаться на мамочкины справки и драить стёкла в кабинетах или мести асфальт под ректоратом на какой-нибудь «практике», послушно возвращаясь домой вовремя. А потом – на пляж со старшими товарищами, под присмотром великовозрастного братца или стабильно-положительных аспирантов. После – замуж, за кого мама скажет. И всю жизнь есть подносимые кем-то бутерброды с докторской колбасой. Потому что к самостоятельной добыче мяса ты не способна! Нет у тебя зубов и когтей. Ты – ничтожество!»

Полина виртуозно умела накручивать себя – всё-таки в её сосудистом русле плескалась и мамина кровь. Крупные слёзы уже готовы были выкатиться из глаз, когда к ней подошёл Вадя Коротков с крупной фигуристой русоволосой девочкой:

– Знакомься, это Ольга.

Полина моргнула, и предательская солёная вода покатила-таки по щекам.

– Полина, – она ещё и всхлипнула, не удержавшись.

«Ага! Ну давай, давай! Устрой истерику похлеще мамочкиной! Покажи класс. Оpozорься по полной программе!»

– Долго тренировалась? Никогда не видел такой «слёзной фасоли». Чего ревёшь? – спросил Вадя и достал из кармана платок.

– Ничего мне не надо! У меня свой есть! – огрызнулась Полина.

Своего платка, конечно, в кармане не обнаружилось, и пришлось утереться рукой.

«Надо же! Бросил тут одну, а теперь ещё какую-то Ольгу знакомиться приволок, скотина!»

– Пойдём? – спросила «какая-то» Ольга дружелюбным тоном. – Я учусь в восьмой группе, а с Вадимом мы познакомились в бассейне пару месяцев назад и теперь просто дружим. – Девушка была явно куда тактичнее Вади. – У меня тоже глаза слезятся, когда вижу кривые ноги Филипп Филиппыча. То ли от жалости, то ли от аллергии.

– Куда пойдём? – растерянно спросила Полина.

– В »блатную» палату. Всего на четверых. Вадим сказал, есть тут один хороший человек, да кусаться не умеет. Будем учить.

– Спасибо, – еле слышно пролепетала Полина. Ей стало так стыдно, что противные слёзы опять было заструились по щекам. Коротков молча протянул ей платок, молча взял сумку, и они вошли в здание.

Бедный Вадя! Эдакое исчадие из милых, интеллигентных, домашних, уютных городских мирков встречалось ему впервые. Это тебе не односельчанка. И не сестра из медсанбата. Там всё было просто и незамысловато. Честно и понятно. Скучно и очевидно...

Длинный сумрачный коридор без окон никак не соответствовал Полиным представлениям о санатории для чахоточных. Не говоря уже о студенческой романтике. В её воображении студенты жили в палатках, ходили в стройотрядовских курточках, пели под гитару и... Вот это «и» в виде, собственно, самой работы и обыкновенных, физиологических сторон жизни как-то всегда незаметно проскакивало мимо. Не это ли состояние принято было называть романтикой? Которая, как известно, сама тут не растёт – её надо с собой привозить? Из советских фильмов и папиных рассказов студенческая работа в колхозах и стройотрядах представлялась сплошным праздником молодых жизней. Непрерывной смехо-радостью без мочеиспусканий, дефекаций, подмываний и прочих санитарно-технических телесностей.

«Что-то не очень похоже на праздник! К тому же чертовски хочется принять душ после четырёх часов потного автобуса. Я, поди, уже воняю, как старая портянка, прости господи! Хотя откуда я знаю, как воняют старые портянки?... А уж как от Вадима пахнет потом, с ума сойти! Нехорошо так думать о том, кто о тебе заботится, но от него уже просто несёт этим самым потом!.. Но у него есть чистый носовой платок, а у меня нет. Вот и как не стыдно думать гадости о хорошем человеке?! Сама скоро будешь пахнуть как сыр, привезённый тётёй Верой из Парижа. И что? Ты от этого станешь хуже?... Куда уж хуже...»

Девушки вошли в маленькую комнатёнку, заставленную по периметру четырьмя панцирными койками. Три из них были по-домашнему застелены. На четвёртой, сразу справа от входной двери, лежали не внушающий доверия матрас в жутких пятнах цвета детской неожиданности и какой-то половик, по размеру подходящий на одеяло.

«Это моя, – догадалась Полина. – Ну да! Кто успел, тот и съел. Слева от входа даже шкафчик стоит замызганный – хоть иллюзию отгороженности создаёт. И только ты будешь спать прямо у дверей! Впрочем, скажи спасибо, что ты вообще где-то будешь спать. Могла всю ночь на улице простоять – символом несгибаемой неуместности!»

– Ольга, Неонила, меня ты уже знаешь, – представила тем временем уже знакомая Оля соседок.

– Полина. А где здесь бельё выдают?

Девушки в ответ дружно грохнули.

– Где-где! В ... нигде. А ты что, с собой не брала? – добродушно затряслась толстоногая хохотушка Неонила.

– Нет. Я не знала, что надо с собой. Думала, тут как... как в пионерлагере. Я в «Молодой Гвардии» однажды была. Там бельё уже было постелено.

– Ну ты даёшь! А в цэковском санатории в Конча-Заспе не была? Матушка говорила, что там на постеленном белье уже и номенклатурный мужик уложен койку согревать! Держи, – она кинула Поле комплект белья. – Хорошо, что я запасливая. – Они всё ещё хихикали. Вполне, впрочем, добродушно.

«Ну вот, теперь я ещё и клоун!»

– Ну, располагаемся и соображаем чай, – скомандовала первая Ольга, доставая из сумки жестом фокусника электрокипятильник, литровую эмалированную кружку и хвастливо вертя ими в воздухе.

«Да. Ни к чертям собачьим я не гожусь со своим спортивным костюмом и зубной щёткой! Учись, идиотка!»

Неонила оказалась одесситкой, проживающей с мамой в коммунальной квартире. Не в самом историческом центре, но и не в окраинных новостройках. Мама у неё была весёлой женщиной «в вечных поисках недолговечной любви» – как формулировала сама Неонила. Мужа у мамы никогда не было. Даже когда она родила девочку и назвала её столь замысловатым именем. «Лучше называть Нилой», – строго сказала Поле эта хорошенькая коренастая брюнетка. Мама Нилы никогда не унывала. Она работала, чтобы прокормить себя и дочь. И работала весьма успешно – главным экономистом какого-то крупного предприятия со всеми вытекающими профсоюзными благами. В оставшееся от работы время она «жила культурной жизнью», включающей книги, театры, курорты и, конечно же, мужчин. Нила лет с двенадцати была предоставлена сама себе, чем ничуть не тяготилась. Напротив. «Мама – совершеннейшее дитя! Она даже яйцо не может сварить и колготы заштопать!» – откровенничала она позже. Так что такая же городская, как и Полина, девочка умела всё, что должна уметь женщина, и была при этом необычайно начитанна и даже некоторым образом изысканна. Редкое сочетание. Последние два года у её матушки был роман с каким-то высокопоставленным обкомовским чиновником, благодаря чему Нила и поступила в медин. Впрочем, школу она окончила с серебряной медалью, так что вполне заслуживала участия студентки выше-блатного учебного заведения.

Первая Ольга тоже была одесситкой. Она жила в новом доме на Большом Фонтане. Папа её был известным в городе профсоюзным деятелем. Мама – домохозяйкой. Родители были прекрасной парой, несмотря на некоторые мамины особенности. Впрочем, дочери это не касалось никоим образом. Ольга была абсолютно лишена какого бы то ни было снобизма, обычно присущего деткам, родившимся с «серебряной ложкой во рту». После восьмого класса она поступила в медучилище. Окончила его с красным дипломом, отработала год медсестрой и лишь потом, удостоверившись в правильности выбора, подала документы в медицинский. Она была очень основательной. Фундаментальной. Во всём. И одинаково ответственно относилась как к выбору следующей книги для чтения, так и к специальности. Не говоря уже о мужчинах. Будущий спутник жизни должен был безукоризненно соответствовать настолько выверенному ряду параметров, что неизвестно, существовал ли такой в живой природе. Умён, начитан, воспитан, верен... И так далее.

Первая Ольга и Нила вполне дополняли друг друга и не боролись за власть на хозяйственно-бытовой ниве. Ольга была для этого слишком серьёзна. Буддийского монаха ничто не свернёт с пути. Кстати, она всерьёз увлекалась Японией и даже учила японский язык. Что

было неувидительно – её папа являлся, кроме всего прочего, председателем общества японо-советской дружбы. А ректор медина, к слову, – сопредседателем одного.

Вторая Ольга, родом из Кривого Рога, уникально гармонично сочетала в себе разбитую девицу и краснеющую от малейшего пустяка скромницу. У неё был потрясающе красивый звонкий грудной смех. Она прекрасно пела. С таким голосом, а главное – диапазоном, ей бы в консерваторию поступать, но она хотела стать врачом. Причём непременно анестезиологом-реаниматологом.

- А ты кем хочешь быть? – поинтересовалась она у Полины за чаепитием.
- Не знаю, – помолчав, ответила та. Девушки удивлённо переглянулись.
- Ну, врачом хотя бы? – подсказала тактично-сердобольная Нила.
- Нет. Точно нет, – отрезала Полина, давая понять, что тема не обсуждается.

Чай был странный. Очень странный. Очень-очень странный. Солёный и какой-то... металлический, что ли?

– Это тут вода такая. Может, побольше заварки кинуть? И сахара полкило? – вслух заметила Первая Ольга и немедленно приступила к реализации озвученного.

После первой же чашки чёрного сиропа они подружились, что очень обрадовало Полину. Потому что девичья дружба была для неё сложным вопросом. Её личность на женщин или не действовала вовсе, или давала результат со знаком минус. До сих пор её любили только мама и учительница музыки. Но обе – такой жестокой пристрастной любовью, что частенько казалось – среднестатистическая ненависть нежнее.

Прежде у Полины была одна-единственная подруга. С первого класса. Буквально позавчера они пили чай с шоколадными конфетами и смеялись, вспоминая, как они бродили в соплях и слезах по Москве. Полина провалилась на журфак МГУ, а подруга – в несколько подряд театральных училищ. Особенно смеялись над тем, что Поля теперь «меди́чка», а подруга – «электри́чка». Потому что та поступила на какой-то «электрический» факультет Политеха, одной из кафедр которого заведовал её папа. И ещё они, кажется, даже начали писать сценарий пьесы-буфф «Первая помощь при электротравмах», при активном соавторстве папы подруги, – для постановки в театральной студии, куда обе продолжали ходить.

И вот сегодня Полина пьёт что-то похожее на дяди-Фимин чифи́рь, но с каким-то противным солоноватым привкусом, здесь, в недрах неведомого Татарбунарского района, а Татьяна – дома. Домашний, правильно заваренный её прекрасным папой удивительно вкусный чай, наверняка с тортиком, самый вкусный цукат с которого всегда доставался ей, Полине. Дома, потому что у подруги – бронхиальная астма, и собирать помидоры, перец и баклажаны, а также виноград и всё остальное ей категорически противопоказано по состоянию здоровья.

Танька Кусачкина

Маленькой Поленьке рыхлая толстушка с овечьими кудряшками не понравилась с первого взгляда. Она была вычурная, неестественно-манерная, писклявая. Больше всего ей подходило слово «выделывается». Встретились девочки в подготовительном классе «привозной» сто восемнадцатой школы, известной тем, что именно в её стенах преподавал русский язык одному знаменитому еврею другой (спасибо тому одному) не менее постфактум знаменитый еврей.

«Почему он преподавал русскую литературу? Каким он был противным, Борис Ефимович Друккер, умерший в пятьдесят девять лет в 66-м году. И никто из нас не мог идти за гробом – мы уже все разъехались.

Мы собрались сегодня, когда нам – по сорок. «Так выпьем за Борис Ефимовича, за светлую и вечную память о нём», – сказали закончившие разные институты, а всё равно ставшие писателями, поэтами, потому что это в нас неистребимо, от этого нельзя убежать. «Встанем в память о нём», – сказали фотографы и инженеры, подполковники и моряки, которые до сих пор пишут без единой ошибки. – Вечная память и почитание. Спасибо судьбе за знакомство с ним, за личность, за истрёпанные нервы его, за великий, чистый, острый русский язык – его язык, ставший нашим. И во веки веков. Аминь!»⁹

Вспомнили?

Поленька и Танечка, встретившись, ничего такого не знали. Друккер умер в 1966 году. Полина и Татьяна родились в точке старта семидесятых. И весенним вечером года 1976-го, сидя рядышком за первой партой, поглядывали друг на друга неприязненно. Толстушка – явно высокомерно. Полина – подозрительно.

Строго говоря, ни Поленька Романова, ни Танечка Кусачкина согласно правилам районирования народного образования в «привозную» школу попасть никак не могли. Обе девочки проживали в Приморском районе. Здание же, соседствующее с библиотекой Франко, более известной под кинематографическим видом банка из «Зелёного фургона», где в полном соответствии с заветами Бабеля автор более поздней одесской саги (но уже не о последних романтиках от местечкового криминала, а наоборот – о доблестных милиционерах) свёл сразу двух налётчиков, или булочной из «Дежа Вю», где по мафиозному кодексу «бутлеггеру»-международнику вручили дохлую рыбу, находилось в районе Ильичёвском. И туда полагалось отправлять детишек ближней Молдаванки и окрестностей Привоза. Поленька должна была отправиться в школу под номером сто девятнадцать, а Танечка – в сто семнадцатую. Территориально и «привозная» и «блатная» были равноудалены от арки двора, выходящей на проспект Мира. Но поскольку мама Поленьки сама была учителем, то прекрасно знала, что в школе сто девятнадцатой тот ещё контингент, и простым деткам среднестатистических смертных родителей там ох как нелегко. Не в смысле – учиться. А в смысле соревнования в тряпках и привилегиях с детками высокопоставленных чиновников от ЧМП¹⁰, доченьками директора рыбодобывающей флотилии «Антарктика» и сыночками директоров заводов типа «Красный Октябрь». Нет, дочке учителя и инженера там не место. Вот так решила мама. И решила, к чести её отметим, совершенно правильно! К тому же в сто восемнадцатой была очень неплохая директор. Справедливая и умная. И особо ни под кого не прогибающаяся, кроме собственного мнения. Потому как ещё и депутат областного Совета.

⁹ Михаил Жванецкий. «Учителю».

¹⁰ Черноморское морское пароходство.

Как Танечка оказалась за партой «привозной» школы, доподлинно неизвестно. Хотя до учебного заведения под сто семнадцатым номером по улице Ленина ей было три минуты хода, а к парте в классе, выходящем окнами на звенящую трамваями улицу Советской Армии, – две остановки на троллейбусе. Возможно, её папа тоже что-то заподозрил-додумал. Автору известно, например, что на школе сто семнадцать в одно прекрасное утро одного девятого мая какого-то года оказался вывешен фашистский стяг. Что правда, это случилось, когда Поленька и Танечка учились, если не ошибаюсь в расчётах, классе эдак в седьмом, но нравы-то устойчивы... А в те годы ещё полстраны в ветеранах Второй мировой числилось, и появление эдакого флага на одной из центральных улиц города-героя Одессы поднятию их духа никоим образом не способствовало. Хулиганов вроде даже вычислили, отловили и передали родителям на руки, наказав пожурить. Родители не поняли, за что мальцов журить. Ну, балуются детишки. С кем не бывает. В общем, Танечку задолго до этого случая решили в сто семнадцатую школу не сдавать.

Неисповедимы пути родительские, волею которых девчушки оказались рядом. А надо отметить, что сдать чадо учиться в школу «не по району» было тогда достаточно проблематично. Не знаю, как сейчас. За денежку всё можно, говорят. А тогда и денег-то не было. Одни трудодни. Бу! Шутка. Это я молодежь пугаю. Ту, что волею ностальгирующих старцев подвержена тоске по неведомому им тоталитаризму. Но шутка с долей правды. А вам, нынешние юноши и девушки, и тоталитаризма текущего, хорошо известного, вполне должно хватать по самые помидоры. Если мозг в черепной коробке есть, а не только лозунги.

В общем, сидели себе девочки за одной партой. Сидели-сидели, и как-то раз пухлой кудряшке очень захотелось «по маленькому». Занятия у подготовишек были по субботам. Технички на этаже не было, а учительница не могла оставить малолетний класс. Поэтому Галина Андреевна Разенкова, будущая их первая учительница, отпустила девочек вдвоём, взяв слово, что «только туда и обратно!» Воспитанные девочки пообещали. «Туалет прямо по коридору». Вот они и зашли в первый же попавшийся прямо по коридору туалет, очень удивившись странным белым кувшинчикам, вывешенным в ряд на стене, противоположной кабинкам. Пахло в этом необычном туалете дурно: к запаху деревенского нужника примешивалась жутчайшей едкости отвратительная вонь. Много позже Полина узнала, что «дивный» этот аромат источает лизол – обеззараживающее средство, раствор крезол в калийном мыле, и что по сравнению с ним смесь двуосновной соли гипохлорита кальция, оксихлорида кальция, хлорида и гидроксида кальция, именуемая попросту «хлоркой», – лёгкое дуновение ветерка со стороны цветущего куста сирени.

Соседка по парте, зайдя в этот странный туалет, зашла в приступе лающего кашля. Потом она стала вдыхать, вдыхать и ещё раз вдыхать. А выдохать почему-то перестала совсем. Поленьке показалось, что Танечка вот-вот лопнет. Она схватила задыхающегося кудлатого коlobка за руку и вытащила в коридор к распахнутому окну.

– Ингалятор в портфеле! – почти беззвучно просвистела выпучившая глаза, побагровевшая девочка на очередном вдохе.

– Ингалятор в портфеле! Ингалятор в портфеле! – с таким воплем через пару мгновений внеслась в классную комнату Поленька Романова. Галина Андреевна не стала задавать глупых уточняющих вопросов, а, молча схватив портфель Танечки Кусачкиной, скрылась за дверью, наказав Поле оставаться на месте.

Всё обошлось, а девочки неожиданно подружились. Испарились Танино высокомерие и Полина подозрительность. Боевая вылазка без средств химзащиты, эвакуация раненого товарища с поля брани – какие после этого могут быть замеры харизмами? Танечка запомнила,

что Поленька не испугалась, не начала расспрашивать и плакать, а просто вытащила её из туалета и быстро сбежала за учительницей. Поленька же пришла к выводу, что надменное выражение лица неуязвимости не гарантирует. Так же как некоторая первоначальная подозрительность ещё не означает неготовности помочь. Игра – вот что все эти выражения лиц. Кофточки, накинутые поверх нежной, покрытой пупырышками, озябшей кожи. Зонтики, что не слишком защищают от палящего окрест солнца или косого холодного дождя.

В туалет они тогда зашли, как вы догадались, мужской. Женский был за лестницей, до него они тогда не добрались по незнанию. Но и позже, всё десятилетие, не старались добраться. Нет, никаких особых зверств там не творилось. Никто никого ни к чему не принуждал, денег не отбирал, и стены не были расписаны матюгами. Просто там было крайне неуютно и дурно пахло. А зимой было ещё и очень холодно. Неудобств это доставляло Татьяне куда больше, чем Полине. Поля была девочкой на редкость здоровой. Таня же болела всем подряд, включая циститы, пиелонефриты, естественно осложняющие астму с начала осени до конца весны бронхиты. Кусачкина была первооткрывательницей и первопроходчицей всех школьных эпидемий, будь то банальная ветрянка или какая-то особо вирулентная форма гриппа. Поэтому дома у Тани Поля бывала часто – навещала. Да и жила та недалеко (по меркам взрослых) от Полиного дома – два квартала вниз по Чкалова, пересечь Карла Маркса и Ленина и, не доходя до Пушкинской, свернуть в арку Таниного двора. Непроходного. Крохотного. Одесского. Ну, то есть абсолютно.

В первом классе, неизбежно случившемся за подготовительным, Поленьку посадили с Олегом на первую парту в первом ряду, а Танечку – на четвёртую (она внезапно резко выросла) в третьем ряду. С Владимиром. Так было положено начало компании, где все десять школьных лет царило жестокое двоевластие. Потому что дружба Татьяны и Полины зиждилась на краеугольном камне всех женских дружб – конкуренции.

Они всё делали вместе. И всегда – жестоко спорили. Они писали стихи и пьесы, песни и... выросли. Таня имела характер взбалмошный, если не сказать – истеричный. Она была не просто единственным, но *большим* единственным ребёнком. А таким детям прощается всё, кроме разве что убийства подданных. Родители в ней души не чаяли. И такими родителями, как у Танечки, можно было восхищаться. Они были весёлыми и добронравными. К ним в дом можно было прийти всегда – в любое время дня и ночи без предупреждения. С хорошим и с плохим. Там всегда поили чаем, выслушивали и давали советы. В том случае, если в последних нуждались. Танечку никто не приговаривал быть круглой отличницей. Она могла бросить музыкальную школу и заняться выращиванием фиалок, если ей так хотелось. Поленька же обязана была всё и всегда доводить до конца. Ну, может быть, это и неплохо. Так же неплохо, как быть здоровым. Быть здоровым и всё и всегда доводить до логического завершения – очень даже хорошо, если вдуматься. А что дети иногда завидуют болезням и вседозволенности – так на то они и дети. Мы-то с вами, уважаемый читатель, уже давно взрослые и давно понимаем, что такое хорошо и что такое плохо.

Поленьке же по малолетству казалось, что у подружки всё лучше. И действительно, у Танечки дома царила добродушная, жизнерадостная атмосфера. Никто и никогда не падал в обморок. Там никогда не пахло валокордином, и там всем и всегда были рады. Чай был горячее и слаще. Шутки ненатужны. Любовь не напоказ. Поля, чего греха таить, завидовала подруге чёрной завистью. И при этом – радовалась за неё. На такие одномоментные противоположные чувства способны только дети (и некоторые женщины). В маленьких человечках удивительно гармонично уживаются любовь и ненависть, злость и доброта, мудрость и глупость, восторг и обида. Поленька Романова ненавидела Танечку Кусачкину за то, что у той такой потрясающий отец – за это же и любила. Она искала причину не во взрослом, а в ребёнке. В основном – в себе. Она сравнивала себя с подружкой и не понимала, почему всё так?! Она ни капельки не глупее –

скорее напротив. Она ничуть не страшнее – ну разве что волосы не выются кольцами. «Значит, что-то есть в ней такое, чего нет во мне, и поэтому её любят...» Она злилась на Танечку за её писклявый голос и беспрестанную манеру исправлять неправильные ударения и обожала её за искромётные импровизации – стихотворные, вокальные и танцевальные. Поленька писала, пела и танцевала не хуже. Но ей для этого нужны были тишина и одиночество. Стеснительность покидает тело лишь с пробуждением духа. У Поли хватало ума оценивать подругу за достоинства – и глупости, – жестоко высмеивать за лишний вес и неспособность решить элементарное химическое уравнение.

Всё свободное от занятий и материнского надзора время Полина проводила в Татьянинном доме. На самом деле это был вовсе не дом, а малюсенькая двухкомнатная квартирка. Чтобы попасть в неё, надо было преодолеть два пролёта винтовой лестницы и пройти ещё пару дверей соседских курятников, из вечно распахнутых окон которых несло мокрым бельём, хозяйственным мылом, кошачьей мочой, жареной тюлькой и луком. Домом эту квартирку делали люди, там живущие и любящие. Мама, не работавшая, но в быту не погрязшая. Удивительно бесталанная и простая женщина, вечно озабоченная цветом волос и поиском репродукций картин знаменитых художников, добычей колгот и билетов на заезжих гастролёров, походами к педиатру, стоматологу и прослушиванием магнитофонных записей Пугачёвой. Живая, открытая, совершенно беззлобная. Не растрачивающая жизнь на поиск справедливости. Поиск рецепта селедки под шубой бывает куда как более конструктивен. Папа – всегда к месту серьёзный и невероятно уместно остроумный. Папа, которого хватало на всё – и на работу, и на гитару, и на диссертанта, и на ласковый шлепок ниже пояса безалаберной супруге, и на яхт-клуб, и на компанию дочери. Дом, где никогда не ругались всерьёз. Орали, спорили, даже скандалили, но не ссорились. Дом, где всегда были рады. Дом, где хотелось жить. Не её, не Полин, дом.

Подруга-ровесница, подруга-наперсница и подруга-соперница. Она случается в жизни каждой женщины. А если не случилась – значит, когда-то вы оказались не там, где бог вас ожидал видеть. Ну, или вы, мой конкретный читатель, не женщина. Что тоже вполне вероятно.

Танечка смотрела на Поленьку так же. Зеркально. Ей хотелось жить в «сталинском» доме. Старшего брата. И маму – с двумя высшими образованиями. Таинственная валентность казалась ей куда непостижимее и поэтичнее простых рифм, а широкие плечи подруги вызвали зависть. И в Полином хриплом контральто ей чудился вызов, брошенный миром лично ей, с её тоненьким никчёмным голосочком.

В конце восьмого класса, в яхт-клубе, они нечаянно попали в компанию институтских товарищей Татьяниного отца. Полина краснела, Татьяна – солировала, пользуясь давней причастностью. Провожать Полину домой вызвались сразу трое. Девушка стала пунцовой и, выждав момент, тихо улизнула по-английски. Несясь тёмным, страшным, диким приморским парком, и в дневное-то время полным собачников и онанистов, что уж говорить о вечернем, она с ужасом прислушивалась к малейшему шороху в густых, ещё не пожухших от одесского зноя кустах и проклинала себя за стеснительность и комплексы.

«Ну почему, почему?! Почему у Таньки так естественно получается принимать их дурацкие шуточки, кретинские комплименты, чашку чая, мороженое и проводы домой?! И почему я вечно чувствую себя обязанной отказаться, вроде как недостойна, а?!»

В общем, попадись ей тогда на пути самый безумный невоспитанный пёс или безобидный демонстратор своего нехитрого мужского хозяйства, им бы явно не поздоровилось.

Ненависть-любовь девочек после тех «посиделок со взрослыми дядьками» обострилась, чтобы продлиться ещё два года. Два последних школьных класса. Потом их пути разошлись. Чтобы лишь изредка, ненадолго... Нет, не пересекаться. Соприкасаться и расставаться. С чувством разочарования, сожаления и лёгкой печали. И пониманием того, что хороший дом не отпускает. Из хорошего сложнее уйти. Имея примером прекрасное, сложно соглашаться на просто хорошее. Ты всегда будешь стремиться к подобию, так и не поняв, что всё это – не твоё. Твои или чужие матери и отцы – не ты и не твоя жизнь. Их дом – не твой дом, как бы прекрасен или ужасен, на твой взгляд, он ни был. В счастливый дом стоит ходить лишь счастливым. Чтобы стать счастливым, надо быть одиноким. Покинутым и покинувшим. Человек свободен, лишь оборвав и разрушив. И создав. Нет, не на обломках. Из пустоты. Всё это так бессмысленно для шести-, семи-, четырнадцати- и семнадцатилетних. Они чувствуют, но ещё не научились доверять себе. Принимая бунтарство и отрицание за созидательный материал. Они всё поймут. Позже. Наверное...

Великая ирония Создателя. Снабдив нас отчим домом и рецептом селёдки под шубой, ждать: налопаются от пуза одним-единственным блюдом или...

У Полины всё ещё была одна-единственная подруга. Но школа осталась позади. И Поля семнадцатой производной от интуиции чувствовала, что если крикнуть чуть громче в пустом зале, то кто-нибудь обязательно подойдёт и предложит... меню.

Звеньевая

Кажется, эта идиотская идея пришла в голову всё тому же Короткову. Впрочем, впоследствии оказалось, что не такая уж она идиотская. Для Полины, разумеется. Звеньевые получали среднюю зарплату бригады плюс пятнадцать процентов вне зависимости от собственного вклада в общее дело. Полина вложить могла немного. А парни вроде Кроткого (такая у Вади была кличка, совершенно не соответствующая его характеру) и Примуса, Тараса или Серого – как раз наоборот. Им не нужна была усреднённая справедливость плюс проценты. Они хотели заработать по максимуму. Благо работали они не совсем уж на колхоз, а на некий неведомый Полине «подряд».

На утро, напрочь стёршее все экзистенциальные ужасы вчерашнего вечера, после обильного, но однообразного завтрака, Вадим, посоветовавшись со своими в сторонке, объявил Поле:

– Будешь звеньевой.

Малолетняя дурочка обрадовалась донельзя. В Полине умудрялись органично уживаться интуитивная мудрость и совершенно неосознаваемая ею женская власть над мужчинами (откуда? врождённое?) и глупый малыш, искренне верящий, что он лучше всех прочитал стишок. Угадывая, что движет (очевидно, влюбившимся в неё) сдержанным Вадимом, она и вправду полагала, что сумела поразить его своими деловыми качествами (какими? когда?). Не диссонанс. Извечная загадка хитрой и лживой, но чистой и открытой девичьей души. От кого зависит, кем станет юная прелестница – хладнокровным манипулятором или разочарованной неудачницей? Или и дальше обе стороны – такие знакомые – медальки, затёртой до лоска, никогда не познают друг друга? Какой щелчок раскрутит её, превратив в объём эти плоскости? Какими разнокалиберными коридорами должно помотать душу? Сколько сапог и о какие дороги стереть? Сколько рук перетасует колоду и насколько причудливо? И, главное, кому можно задать все эти вопросы в столовой бывшего санатория для детей-туберкулёзников? Особенно если тебе семнадцать лет и ты, признаться откровенно, ни черта не умеешь. Хотя и знаешь наизусть кучу стихов и даже поэм, и не без гусарства, за которым прячешь хромающую технику, исполняешь на чёрно-белых клавишах вбитые в тебя отличным учителем музыки вариации C-dur Моцарта и можешь транспонировать любой романс в удобную для тебя тональность. И кому это нужно здесь, где до посыпанных хлоркой дырок надо идти пять минут по пересечённой вдоль и поперёк неизвестности? Желательно группами, а то и с мужским сопровождением. Потому что кроме неизвестности пространство пересекают какие-то опасные, особенно в вечернее и ночное время суток, «местные аборигены». С кем танцевать вальс под «Голубой Дунай» на поле? Жизнь иногда донельзя прикладная штука, напрочь лишённая изысков. Возможно, только в ней, безыскусной, реалистичной, где холод, голод и мышечная усталость правят бал, и есть соль? А также спички, патроны и шерстяные носки.

«Если, конечно, знаешь, как со всем этим обращаться. Не играйте со спичками! Особенно рядом с патронами. Я не только веду себя, как идиотка. Я даже думаю, как идиотка! А если вспомнить вчерашний поход «до ветру»...»

Вечером, надувшись чаю, Полина поняла, что отчаянно хочет в туалет. И ладно уж там душ, но хотя бы, простите, подмыться. Но она мужественно молчала. Первой деловито засуетилась домовитая Нила.

– Так, девчонки! Сейчас греем воду, разливаем по кружкам, разбавляем и идём все вместе! – скомандовала она. – У меня есть фонарик.

– А куда идти? – робко уточнила Полина. Она уже и так чувствовала себя посреди этих амазонок быта какой-то пластмассовой феей.

– Ты разве после автобуса не сходила?! – ахнула Вторая Ольга.

– Я... я не хотела.

– Ну ты даёшь! И сидит, молчит, главное! Туалет там, за зданием. Выходишь из дверей, топаешь направо до конца. Там узкая тропинка. Проходишь насквозь и упираешься в нужник. Сразу поймёшь, что это он. Кстати, он виден из нашего окна! – Вторая Ольга отодвинула какую-то тряпку, ею же и приспособленную под «занавеску». – Справа мэ, слева – жо!

– А что, в здании совсем нет туалетов? – недоумевала Поля.

– Совсем! И, кстати, мы тут устроились, как королевы. Потому что все остальные живут во палатах на шестнадцать человек. На четверых ещё только Кроткий, Примус, Стасик и Серый. Старослужащие, понимаешь!

Полина ничего не понимала. Точнее – ничего не понимал её организм. То есть вот этот самый избалованный организм должен выйти куда-то в темень, держа в руках кружку с водой, чистые трусы... Какие, на фиг, трусы? Тут переоденешь. Ну, то есть снова попробуем: кружку воды, чтобы не расплескать, мыльницу – ну эту ладно, в карман... а там куда ставить? на засранный пол или в зубах держать? – и полотенце. Там, значит, снять штаны и, держа в одной руке кружку, в зубах мыльницу, другой рукой... А как же быть со штанинами? Они же могут запачкаться во всём этом! Как их подхватить, если и руки и зубы заняты?

– Полина! Давай кружку! – Пока Поля предавалась размышлениям, Вторая Ольга уже нагрела воды на всю компанию.

Поля подставила кружку, из которой она пила чай.

– Побольше ничего с собой не взяла? – Нила посмотрела на неё сочувственно.

– Нет. Я же не знала, что тут такие условия.

– Ага! Думала, нас на крымский курорт везут! – Нила беззлобно рассмеялась. – Ладно! Значит, пойдём в две смены. На, держи мою кружку, принцесса! Пойдёшь с Первой Ольгой! А потом я, со Второй.

– Что, вот так вот сами, вдвоём? Там же... страшно! – проблеяла Поля.

– Не скули! Я Кроткому стукну, раз ты такая трусишка! – сказала Первая Ольга.

Отправились.

– Вадя! – стукнула Ольга в двери следующей комнаты. – Ты нас не проводишь?

Через мгновение он уже был в коридоре.

«Господи, как стыдно-то! Он же прекрасно понимает, что мы будем делать в этом... туалете!» – думала Полина, пока они втроём огибали здание. Да, кажется, излишняя табуированность иных тем в материнском доме сделала-таки из нашей юной героини идиотку. Но когда они подошли к искомому объекту, она и думать перестала. Строение было братом-близнецом ужасных приморских туалетов. С той только разницей, что не было выложено плиткой, а было просто выбелено извёсткой. Дверей ни снаружи, ни внутри не предполагалось.

– Я постою здесь, покурю. Вы там делайте свои дела, не волнуйтесь, – спокойно сказал Вадим.

При словосочетании «делайте свои дела» Полину шибануло в такую краску, что... Хорошо, что кругом была абсолютная темень.

Кое-как Полина «сделала свои дела» и выскочила наружу гораздо раньше Ольги. Её коло-тил озноб.

– Ты что, замёрзла? – спросил её Вадим.

– Ннннеттт! – отстучала Полина.

– Иди сюда, – сказал парень.

– Ннне-пппой-дду! – продолжила она отбивать степ зубами.

– Глупая девчонка! – проворчал тот и, сняв с себя майку, набросил её на Полину. И, подтащив к себе, замотал. И демонстративно отодвинул от себя.

– Сам дурак! – беззлобно ответила Полина.

Она боялась подойти к нему вовсе не потому, что опасалась объятий или чего-то такого... Просто обниматься с кружкой в руках, рядом с сельским нужником. Да ещё, наверняка, про-пахши всем этим... Кстати, ни от Вадима, ни от его майки уже вовсе не пахло потом.

– Ты что, помылся и переоделся? – ляпнула она, не подумавши.

– Ну да, – похоже, он вовсе не обиделся.

– А где?

– Там, у жёлоба. Где же ещё? Хотел было искупаться весь. Но там, у этого озера, такие илестые берега, что толку от такого купания не будет.

– Что, вышел в темноту и вот так, холодной водой?..

– Глупая девчонка! – повторил Вадим. Очень нежно.

Тут, слава богу, вышла Первая Ольга, и они двинулись обратно.

Кажется, Вадим сопровождал и Вторую Ольгу с Нилой. Полине даже стало немного обидно. Она уже было подумала, что только к ней он вот так вот... А он просто такой всехний джентльмен. Ну и пусть его!

Вспоминая вчерашний вечер, Полина нахмурилась.

– Ты поела? – к ней подошёл Вадим.

– Да.

– Я серьёзно спрашиваю!

– А я серьёзно отвечаю! – она, конечно же, врала. Ужасную гречневую кашу Поля лишь поковыряла ложкой. Отпила один глоток противного чая – вода здесь была всё такой же ужас-ной, как и вчера. Солоноватой, с металлическим привкусом. Похоже, подвозом воды специ-ально для студентов никто себя не утруждал.

– Ладно, для начала поверю на слово, – прищурившись, посмотрел на неё Коротков. – Через пятнадцать минут собираемся перед баракom. Не крась глаза, надень штаны, кофту с длинными рукавами и покрой голову чем-нибудь. Надеюсь, косынка у тебя есть?

Полина фыркнула и, ничего не ответив, удалилась, гордо задрав голову. На завтрак она явилась в короткой маечке и шортах. Последний год она очень гордилась своими ногами – о том, что они прекрасны, ей сообщил тот самый слюнявый руководитель занятий танцами-пла-

стикой театральной студии при оперетте, с которым она добросовестно старалась поцеловаться. И тогда же поняла, что это – поцелуи – не для неё. Отвратительно! Отвратительно!!! Губы любителя нимфеток были похожи на дряблые кожные складки истощённой потной старухи, выползшей на пляж. Кажется, он что-то пытался запихнуть ей в рот. Девушки утверждали, что язык и что это должно быть приятно. Может, приятельницам и было приятно, а Полину тогда стошнило прямо на его футболку. Даже сейчас при воспоминании об этом солёный чай стал осаждать подступы привратника желудка. Никогда и ни с кем она не будет целоваться! Ни за что!

Она остановилась, чтобы волевым усилием подавить рвотный спазм.

– Полина! – окликнул её Коротков.

– Что?

– У тебя очень красивые ноги.

Почему-то от Вадима это было приятно слышать, хотя и сказал он это с некоторой долей иронии.

– Дурак!

– Полина!!!

– Что?

– Под штанами они будут ничуть не менее красивы, я же уже знаю, что там. Но мне не хотелось бы, чтобы об этом знал ещё кто-то – комары, например.

Он смеялся. Полина разозлилась, заметив, что все с интересом наблюдают за ними. Особенно Примус. И решительно двинулась к зданию.

– Полина!!!

Она не оборачивалась.

– Твои ноги нужны мне в первозданной красе, а не поцарапанные, расчёсанные и сгоревшие.

Кажется, Вадим работал на публику. Никто не совершенен. Девушка лишь махнула рукой, мол, отстань.

Тем не менее Вадима послушалась. Он относился к той категории мужчин – да-да, уже мужчин, несмотря на молодость! – которым помимо воли подчиняются самые строптивые стервы, не то что маленькие дурочки, готовые блевать от воспоминаний о якобы первом якобы же поцелуе. Подчиняются... но и только.

Спустя четверть часа все стояли перед входом в «барак», как, само собой разумеется, был окрещён так называемый корпус санатория, и ожидали машин. Полина с сомнением оглядела свои белые кроссовки, чувствуя себе донельзя неловко в элегантном спортивном костюме, привезённом кем-то из загранично-командированной родни. Что правда, на голове у неё был платок – благо у запасливой Нилы их оказалось три. Этот нехитрый головной убор несколько роднил её с разношёрстной толпой, одетой во что похуже и поудобнее.

– Ещё какая-то обувь есть или это всё? – поинтересовался Вадим, скептически оглядев её с ног до головы.

– Босоножки, – пролепетала Поля, снова готовая заплакать.

– Не вздумай реветь! Что-нибудь придумаем, – строго сказал он и, сняв с неё платок, перевязал поудобнее. Затем на мгновение прижал её к себе. Развернул и, шутливо шлёпнув

по мягкому месту, подтолкнул в сторону девочек. – Иди к подружкам, недоразумение. Звеньевая! – И пошёл в сторону подъехавших машин.

Нет, Полина, конечно, видела программу «Сельский час» и бывала в огородах уездных городов. Но чтобы так – в кузове бортовой машины, сидя на деревянных скамейках – да по бездорожью... К моменту, когда они прибыли к месту работы – бескрайнему, бесконечному полю, покрытому полёгшими под мириадами помидоров кустами, она уже была разбита. Ей казалось, что филейная часть её организма превратилась в огромную пульсирующую гематому. Такого солидного, весомого «чувства задницы» у неё не было ещё никогда.

Две Ольги, Нила, она и одиннадцать парней остались тут. Остальных повезли дальше.

Полина окинула взором пейзаж и загрустила. Бескрайний периметр был покрыт деревянными ящиками, и всю эту батарею тары, как она поняла, они должны наполнить томатами ещё до обеда.

Нила деловито надела матерчатые перчатки, Ольги перешучивались, и только одна Полина, обозревая пламенеющую бесконечность, поняла, что тут и закончится, не начавшись, её слава земная.

– Поле маков в ложбине у Живерни! – произнесла она в никуда.

– Анна Ярославна, Лондонский Парламент¹¹ вам сейчас не поможет. Небо вам сейчас с овчинку покажется со всеми вашими импрессионистами, вместе взятыми, – тут же съехидничал стоявший рядом Примус.

– Примус, иди к чёрту! Можно подумать, я никогда помидоры не собирала!

– А можно подумать, собирала!

– Собирала, собирала. У бабушки в огороде.

– Ах, у бабушки в огороде. Ну, тогда конечно. Тогда ты прям-таки Паша Ангелина и Алексей Стаханов! Тогда ты сейчас все эти прекрасные кровавые плоды порвёшь, как Тузик грелку!

– Хватит болтать! – Вадим оборвал «интеллектуальную» дискуссию, расставил всех у кромки поля и дал команду: – Начали!

«Мне кажется, или это Вадим тут на самом деле «звеньевая»?» – нагибаясь к первому кусту, подумала Поля.

Это оказалось не так сложно. Первые пятнадцать минут. Уже полчаса спустя нещадно ломило спину, ужасно чесались руки, пот заливал глаза. Через час захотелось пить. Через два – лечь на землю и, раскинув руки, тупо плянуть в небеса. Через два с четвертью захотелось на небеса попасть. Лишь врождённое упрямство и упёртая гордость не позволяли отступить. Соседки по комнате рвали проклятые овощи метрах в пятидесяти от неё, да ещё и болтать успевали, судя по мимике. Парни ушли так далеко вперёд, что и видно не было. Они деловито проносились мимо Полины с заполненными ящиками. Лишь Примус изредка останавливался поострить. Вадим к ней не подошёл ни разу. Она уже успела надуться и готовила ему гневную отповедь.

– Ну что, Анна Ярославна, это тебе не фунт поэзии Бродского, ага? Не парься, он тоже некоторое время телят пас. Правда, ничего хорошего из этого не вышло. Но и ничего плохого, надо заметить. Даже стишок в сельскую газетёнку тиснул за рубль с мелочью, хоть и ссыльный тунеядец. А ты у нас – тунеядец при должности. Фаворитка серого кардинала. Рыцари Круглого

¹¹ «Поле маков в ложбине у Живерни», «Лондонский парламент» – картины Клода Моне.

Стола уже оплакивают своего верного товарища и предводителя. Никаких тебе больше пиров, одни серенады в честь ногастой пигалицы.

Полина из положения ниц подняла глаза на Примуса.

– Ах, – Примус театрально отпрянул, – какие глаза, мадемуазель. Какие пылкие очи! Будь я в вас влюблён, как наш великолепный Кроткий, я бы немедленно предложил вам руку и сердце за взгляд, исполненный столь непосредственной, искренней, незамутнённой, беспричинной ненависти. Но, увы мне, я лишь хочу причаститься вашего тела впоследствии. Ничего иного мне не требуется, так малы мои запросы. Но я обещаю быть нежным, умелым и внимательным. Так что, как только вы лишитесь девственности, поставьте меня в известность! – Примус щёлкнул воображаемыми каблуками, поклонился и ускакал к краю поля с полным ящиком наперевес.

Всё было сказано таким тоном, что Полина, вздумавшая было оскорбиться, лишь улыбнулась.

– Пустобрёх! Ну как ты, живая? – вдруг откуда-то слева и сверху. От неожиданности она распрямилась и... шлёпнулась на землю. В ушах загудело и стало горячо. В глазах на момент потемнело, а затем замелькал калейдоскоп причудливых ярко-фиолетовых кругов и полукругий.

«Свалилась в обморок. Как институтка! Так я и есть институтка. А это у меня – ортостатический ко...» – успела подумать Полина. И тут трансляция вовсе прекратилась.

– Полина! Поля!! Поленька!!!

Она открыла глаза, в ушах по-прежнему шумело, левая щека пылала. Перепуганный Вадим, оказывается, подхватил её на руки. Она обняла его за шею, прильнула к нему и как можно более ехидно прошептала слабым голосом:

– Вадим, ты правда фельдшером в Афгане был или врут? Чего так девического обморока перепугался?

– Дура ты, Романова! – сердито сказал Вадим, получивший своё прозвище Кроткий именно исполняя треклятый «интернациональный долг» в Афганистане – за совершенно бешеный нрав и безапелляционную решимость, позволявшую ему находить выход из самых, казалось бы, безвыходных ситуаций. Он абсолютно ничего не боялся, но при этом был умён и хитёр – полный комплект качеств, необходимых для выживания. Свою службу он вспоминал редко и с неохотой. На просьбы рассказать отшучивался, что немного войны – и вас обязаны принять в любое высшее учебное заведение, даже если вы водород от кислорода прямо в таблице Менделеева, висящей перед носом, не отличите. Дожив до двадцати четырёх лет, он ни разу толком и надолго так и не влюбился, хотя девицы бродили за ним косяками. И он, признаться, весьма щедро и с удовольствием одаривал их ласками. И тут какая-то девчонка, вчерашняя школьница, такая незащищённая в своём ехидстве, такая беспомощная в ослином упрямстве. Такая нелепая со своей глупой стыдливостью. Ничего не умеет, даже подмываться без ванной комнаты. Ах ты ж господи! Проще самому подмыть её, как малого ребёнка, чем чувствовать эти муки. Здоровая кобыла уже, а поди ж ты! Такая дура, что при виде неё тебя кто-то бьёт в солнечное сплетение ногой в солдатском ботинке, и если бы не завидное самообладание, то или трахнуть, или убить. Или и то, и другое. Последовательность не важна. И никому, никому... Дух захватывает от одного её запаха.

– Вадим! Ты так и будешь со мной на руках посреди поля торчать с остекленевшими глазами? Или поставь, или женись.

– Сейчас! Только за калошами свадебными сгоняю – и сразу в ЗАГС! – он уже вернулся в обыкновенное своё состояние видимой никому недоступности, перекинул её через плечо и отнёс в близлежащую реденькую посадку. Снял обмотанную вокруг пояса ветровку, постелил на траву – и уложил Полину. – Лежать до обеда и не вкачать. Понятно? Не тошнит? На, оставь себе, – он протянул ей фляжку.

– О, как ты щедр и благороден! А что там? Коньяк? Ты меня уже спаиваешь?

– Коньяк, в попу бряк. Чай там сладкий. Какой тебе ещё коньяк, с такой игрой сосудов. Лежи и не жужжи.

– Спасибо.

– Не за что! – И он быстро пошагал обратно.

– Вадим!!!

– Что? – он обернулся.

– Ты меня любишь?

– Наверное. Отдыхай давай.

– Вадим!!!

– Что, твою мать, опять?

– Вот так вот сразу и любишь?

– Нет. Сразу я обычно ебу. Всё, потом поболтаем.

– Фу, как грубо!

– А чего ты хотела от неотёсанного чурбана?

– Ничего. Иди к чёрту!

И он пошёл. В поле. А Полине очень не хотелось, чтобы он от неё именно сейчас уходил.

– Вадим!!! Вадим, мне нужен плюшевый медведь!!! Я сплю только с плюшевыми медведями!!! А одна или, там, с мужчинами я не сплю! – заорала Полина ему вслед. Он лишь, не оборачиваясь, махнул рукой, мол, отстань. Ну да, его очередь сказать священное: «Отстань!»

– Ты попал, «прецизионный станок». И похоже, что в бетономешалку. Главное теперь пальцы в розетку не совать, чтобы техника безопасности была соблюдена! – блаженно прошептала себе под нос Полина, улыбнулась и моментально уснула. Почва под ногами была обретена. Кажется, можно ни о чём особенно не беспокоиться. Ни о походе к чёрной дыре вселенских нечистот, ни о сладком чае насущном в данное конкретное время. Чему тут удивляться или возмущаться? Все дети эгоистичны. Они громко орут или обиженно молчат. Любящие взрослые должны кинуться к ним по первому писк. Любимые детки – асы манипуляций. Исчадия ада. Источники неземного блаженства. И дело тут совсем не в календарных годах. Вселенское бессознательное, знаете ли. Ноосферой такое не объять. И ментальным не окутить. И прикладной психологией по ящичкам не разложить. И, возможно, вы, вслед за автором, считаете Полину душой и питаете к ней некоторую неприязнь, но, как ни крути, она звеньевая. А чья это заслуга – совершенно не важно. Звеньевая-то она. И живёт в комнате всего лишь на четверых, в то время как другие студенты в бараке села Глубокое парятся в куда более зачеловеченных помещениях. И хотя пока она об этом ничегошеньки не знает, но уже скоро, очень скоро, через какой-то годик с хвостиком, ей достанется в старом доме эпохи «бельгийского бума» собственная отдельная...

Комната

В детстве она казалась огромной. Нет-нет, она и сейчас была совсем не маленькой, особенно в сравнении с клетушками общежития и съёмными комнатухами – а то и вовсе углами – однокурсников. Но сейчас она была просто большой, а тогда – потрясала воображение. Чудилось, что у стены напротив высятся огромные великаны, сегодня ставшие всего лишь буфетом и книжным шкафом. Раньше справа от двери величественно поскрипывал Ноев Ковчег, по прошествии лет обернувшийся красивым добротным старым трёхстворчатым шкафом, украшенным вензелями и мутным зеркалом. Круглый стол в центре комнаты, ранее напоминавший арену древнеримского цирка, ныне не являлся таким уж пригодным для битв гладиаторов. Его потрескавшаяся поверхность была по-домашнему уютной.

– Я куплю тебе скатерть, чтобы ты не мёрз! – сказала Полина столу.

«Очень разумно – разговаривать со столом. Да ещё и вслух. Да-да-да, конечно, а как же – я взрослая самостоятельная женщина. Ха-ха-ха! Никому не говори!» – подумала она и подняла голову вверх. Где-то там – высоко-высоко – должна была парить огромная, казавшаяся в детстве роскошной, хрустальная люстра. Обычная чешская люстра, как сейчас выяснилось. Пыльная и даже какая-то жалкая. Но парила она всё так же высоко, как прежде.

– Шесть метров тридцать сантиметров! – похвасталась Полина Тигру. – Ты, конечно, видишь. Но в метрах ещё солиднее, чуешь? Будем надеяться, что лампочки там есть, потому что я понятия не имею, как их туда забросить. Да ещё и вкрутить. Не говоря уже о том, что у меня их попросту нет.

Она нащупала выключатель – он был слева от двери, и Поля совершенно не помнила, откуда это знает, – и комнату, погружавшуюся в сумерки, залило ярким светом.

– Да уж, на электричестве тётка Валька не экономила! – Полина и кот рефлекторно зажмурились. – А я не представляю не только как лампочки туда вкручивать, но даже как их оттуда удалять. Совершенно непонятно. Может, из рогатки? Ладно, Коротков позже со всем разберётся. Наверное. А не Коротков, так другой кто. Не важно. Важно то, что надо нам с тобой обзавестись настольной лампой. Для уюта. Что стоишь, как неродной, – заходи, раздевайся!

Тигр недоумённо глянул на хозяйку и не очень решительно стал ступать по затёртому ковру, поочерёдно смешно подёргивая лапами.

– Слушай, тебе наверняка надо в туалет, да? Подожди, мы что-нибудь сообразим! – Полина подошла к массивному книжному шкафу, выдвинула нижние ящики и обнаружила искомое – корытца для проявителя и закрепителя. Она откуда-то помнила, что они там. Тело всегда лучше ориентируется в давно забытом, чем разум. – То, что надо! Думаю, проявлять фотографии мы с тобой не будем, а тебе пригодится, да простит меня Валентина Александровна!

Девушка огляделась в поисках наиболее пригодного для кошачьего туалета места. С сомнением оглянулась на дверь во внешние коммунальные миры и решительно поставила лоток на пол в правый угол комнаты. Тигр оказался очень сообразительным. Он немедленно продемонстрировал обрётённой хозяйке, что понял кармическое предназначение фотографического лотка.

– Тебе не кажется, что это святотатство? Представляешь, сотни, а может быть, даже тысячи лиц, включая, к примеру, и моё, проявились на свет в этом лотке, а ты!.. А, ладно! Жизнь с её сиюминутными насущными нуждами важнее метафизики и символизма, – махнула рукой Поля. Затем сняла, наконец, пальто и открыла шкаф. Окапало убойной волной нафталина. На вешалках сиротливо качались ситцевые и шифоновые платья фасонов сорокалетней давности. В шкафу было пустынно, гулко, пыльно и загадочно, как в склепе. Запрыгнувший было туда Тигр тут же расчихался и был выдворен наружу.

– Любопытство до добра не доводит! – строго сказала ему Поля и, бросив пальто на стол, направилась к окну.

Оно открылось с трудом. После долгой борьбы рама с хрустом поддалась, на широкий подоконник посыпались стружья краски, а в комнате стало гораздо свежее. Старенькие занавески гордо зареяли по ветру, отряхнув пыль и расправив залежалые складки. Кровати в комнате не было. На полу покоился толстый матрас. Три обычных деревянных стула завершали обстановку. Буфет топорщился разнокалиберной посудой, нижний его этаж был набит разнообразным старьём. В книжном шкафу обнаружили коробочки из-под духов, набитые облупленными бусинками и засушенными цветами. И ещё – бархатные альбомы. Клад! Точнее – кладёзь... Прорези картонных страниц топорщились старыми фотографиями незнакомых людей. С одной из них взирал роковой красавец в форме офицера морского флота. *«Валюше Чекалиной на вечную память и бесконечную любовь. Виктор Аверченко, 1941-й год»* – гласила надпись на обороте.

– Смотри-ка, Аверченко! Может, брат этой? Или даже муж? – Поля кивнула на дверь и показала фотографию коту. Тот потянулся, понюхал и понимающе хмыкнул. – Вот и я о том же. А ты говоришь, проклятые короли. Подозреваю, что нервно курит твой Дрюон по сравнению с Вале́й Чекалиной и Вите́й Аверченко!

Ещё часа два Полина изучала содержимое альбомов, коробочек, вазочек и книг. Из «Офицерского атласа автомобильных дорог СССР» выпала пачка писем, трогательно перевязанная ленточкой.

– Оставим на сладкое! И альбомы ещё раз пересмотрим. Эти толстощёкие пупсы в благородных бархатных штанах и атласных бантах, в кружевах, а также в драных подштанниках – мои родственники, между прочим. И большинство этих красивых людей в шляпках, шляпах, фуражках и кепарях – тоже! – гордо похвасталась Тигру Полина. – Ну да ладно. Это всё хорошо, но я бы сейчас от бутерброда не отказалась. Но его у нас нет! Ты наверняка тоже не прочь перекусить? – Тигр утвердительно мяукнул. – Но я не рассчитывала именно сегодня обзаводиться семьёй, так что тебе придётся потерпеть до завтра. Я могу, конечно, позвонить Вадиму, но для этого надо выйти в этот ужасный коридор к телефону, который нельзя долго занимать. А чтобы вечером в общаге кого-то подозвали... Безнадёжное мероприятие. Да, поди, и нет там его сейчас. Опять с парнями вагоны разгружает.

Кот жалобно мяукнул и глянул Полине в глаза так пронзительно, что она быстро произнесла:

– Ладно, ладно! Семья – это прежде всего ответственность, как говорят умные нудные люди. Тем более что кофе у меня нет и сигареты заканчиваются. Ещё не так поздно, а кварталом выше есть гастроном. Докторскую колбасу будешь? Вот и отлично. Я тебя сейчас запру, а ты сиди тихо. Потому что в коридоре бродит призрак Нельки! У-у-у-у!!!

Кот преспокойно улёгся на матрас и принялся нализывать лапу.

– Смеёшься, да? Не боишься? Тогда и я не буду. Ну, пожелай мне добраться живой от двери в собственную комнату до входной и потом обратно. От этого, между прочим, и твоя полосатая жизнь зависит, эй! – прикрикнула она на довольного котёнка. – Если тут проскочу, то на улице – мне сам чёрт не брат!

Полина надела пальто, закрыла дверь и осторожно прокралась лабиринтами коридора на выход. Из всех углов ей чудилось злое, настороженное нечто по кличке Вечный Жид.

– Если ты домовый – то я тут живу и тебя люблю. Потому что какой же дурак не любит собственного домового? Не любить собственного домового – это то же самое, что не любить собственный дом. Так что если ты собрался пошутить – то шути не зло. А если тут бродит ещё и Вечный Жид, то ты меня от него защитишь, правда? – тихо бормотала Полина, осторожно минуя тёмные пространства. – Очень умно заклинять домового, да. Материалистка. Студентка медицинского института. Ты бы ещё «Отче наш» нащёптывала. Кстати, неплохо бы выучить.

Выбравшись, наконец, в подъезд и быстро сбежав вниз по лестнице, Полина громко произнесла, обращаясь к шуму улицы Свердлова:

- Фуф! До чего же может довести человека его собственное воображение!
- Буквально до цвинтара! – утробно провещало со скамейки палисадника.
- А-а-а!!! Чтоб вы были здоровы, Владимир! – завизжала девушка, в кои-то веки употребив столь характерную для Одессы, не любимую Полиной, сентенцию.

Полевой стан

– Чтоб ты была здорова, Романова! – орал Примус, размахивая ложкой. – Захмутать такого парня вполглаза, вполнюха, в четверть оборота! Да тебе все старшекурсницы и даже некоторые ассистенточки матку вырвут, с луком зажарят и лабораторным крысам скормят! А я буду с удовольствием наблюдать, как ты сожрёшь сердце Кроткого сырым, а недоеденное сплюнешь в придорожную канаву. Между нами, девочками, – понизил голос одноклассник и театрально-громко зашептал, обращаясь к Полине, – он это заслужил. И не жри ты так жадно, ты же леди, в конце концов! Ладно мы, простые крестьянские дети, не знавшие ножа и вилки.

– У меня давно такого аппетита не было. И так вкусно всё!

– Ещё бы, два часа продрыхнуть на свежем воздухе – у кого хочешь аппетит разыграется с таких-то праведных трудов, – беззлобно выпучивал её Примус, не забывая при этом уплетать из своей миски.

Странный он парень был, этот Примус. Уровень его общего образования и развития зашкаливал все разумные пределы даже для домашних деточек, имевших возможность погрязнуть в папиных-маминых и дедушкиных-бабушкиных библиотеках. Остроте его ума позавидовал бы -надцатый отпрыск поколения потомственных философов. А между тем Примус родился в неполной колхозной семье от мамы с семью классами общеобразовательной школы, зачавшей его в весьма нетрезвом состоянии в кабине бортового грузовика, близкого родственника машин, отвёзших первокурсников в красно-зелёные поля. К слову, Примус был весьма хорош собой. Отсутствие избыточной фактуры с лихвой искупалось тёмными густыми волнистыми волосами и тёмно-синими, до черноты, глазами. Он бывал очень красив. Когда его никто не видел. Когда он думал, что его никто не видит. Тогда он зависал в позе врубелевского «Демона сидящего» и, казалось, видел то, что простым смертным в их простое смертное суматошное время недоступно. Но это бывало крайне редко, да и вряд ли Примус видел хоть что-то, недоступное другим.

– Лёшка, прекрати брехать! – сказал разошедшемуся Примусу Вадим.

– О'кей, о'кей, о'кей, о'кей! Как скажешь, брат! Что ж я, не понимаю в чувствах-с?

Вадим не стал повторяться. Только зыркнул. Примус неожиданно заткнулся и окончательно ушёл в борщ. Мол, понял, не дурак, переборщил с шутками-прибаутками, пардон.

Кстати, о борще. Такого вкусного борща Полина действительно никогда не ела. Было ли тут дело в самом борще или?..

Когда подошло время обеда, за ними приехала всё та же бортовая машина. Парни помогли загрузиться туда своим немногочисленным девчонкам, и грузовик потрусил по раздолбанной просёлочной дороге. Только отвёз он их не в столовую. А куда-то недалеко, где было несколько дощатых столов, скамеек – и близнец грузовика, подвёзший несколько алюминиевых баков с тем самым борщом. А ещё – с кашей. И арбузы. Много арбузов.

Называлось это всё «полевым станом». Полина такое видела впервые.

И впервые же ела такой вкусный борщ. Чёрт его знает, почему он был таким вкусным? Возможно, от непривычного для неё физического труда? От свежего воздуха, палящего солнца и степной пыли? От счастья быть молодой, уставать, падать в обмороки и просто от беспричинности счастья? От того, что ей безумно нравился Вадим? Лыстил интерес Примуса? Потому что нравилось быть центром внимания и пупом вселенной? Потому что девчонки были вовсе

не её школьная подружка Танечка, тоже хорошая, но не такая монументальная и заботливая, как Ольги – Первая и Вторая и деловитая Нила?

Очень вкусный борщ. Хотя бабушка готовила лучше и красивее.

Очень вкусный борщ взрослой жизни на полевом стане.

Из алюминиевых баков в алюминиевые миски – алюминиевыми половниками. Есть – алюминиевыми ложками.

С чёрным хлебом.

Вторая Ольга, простецки кокетничающая с немного издевающимся над ней вездесущим Примусом.

Первая Ольга, обсуждающая с деловитым Вадимом какие-то технологически-помидорные вопросы.

Нила, шныряющая туда-сюда, успевающая налить-услужить всем на правах заботливой хозяйюшки.

И абсолютно счастливая, абсолютно никчёмная Полина, совершенно довольная борщом, солнцем, пылью и этим самым чудесным, впервые познанным полевым станом.

Так вкусно ей не будет никогда и нигде. Автор ручается. Почти...

Ну разве много лет спустя, в Карельской тайге на границе с Финляндией, когда муж делает ей салат из найденного на стоянке завалящего огурца, репчатого лука и самого обыкновенного масла. Ровно после того, как они пройдут двадцать пять километров по маршруту кряж – болотина – вырубка – кряж – болотина... Но это будет так не скоро, что Полина пока и не подозревает, что это вообще будет. Впрочем, как и всего лишь час назад она не подозревала о полевом стане с борщом.

Но вот они уже есть – полевой стан, борщ, Ольги, Нила, Примус, солнце и арбузы, арбузы, арбузы... Необыкновенно вкусные арбузы, из которых Вадим острым ножом вырезает для неё сердцевинки. Может, и всё остальное будет?..

«Мужчина наверняка создан именно для того, чтобы вырезать для женщины сердцевину бытия, не так ли?»

Какие глупые мысли приходят в голову семнадцатилетним дурочкам на полевых станах за поеданием арбузов. Нет чтобы думать о чём-нибудь жизненно необходимом. Например, о том, как помыть руки после этих самых арбузов? Или что ты будешь делать, когда испачкается спортивный костюм? А испачкается он ровно сегодня. И так далее, и так далее, и так далее...

Но пока были только борщ, чёрный хлеб и красные, припорошенные на изломе инеем спелости чудесные степные арбузы. И ощущение бесконечности беспричинного счастья. И больше не было ничего. Ровно какое-то из мгновений. Равное какой-то из бесконечностей. Равной одному из...

– Ты очень красивая! – раздался голос Примуса, присевшего на корточках неподалёку. Он сплёл пальцы и вытянул руки, вывернув их ладонями вниз. – Похожа на... Первая Ольга похожа на «Девочку с персиками»¹², Вторая – на «Девушку в футболке»¹³, Нила – на портрет Веры Бассет-Судейкиной¹⁴. А ты...

– А я? – лениво протянула сытая Полина, не глядя на Примуса. Ей не хотелось шевелиться, потому она и не увидела, как он сейчас прекрасен.

– Ты похожа на все сразу картины Куинджи. Точнее – на их модель и музу. Дитя природы. Сама природа. Бездумная, эгоистичная. Тем и прекрасная.

¹² В. А. Серов, «Девочка с персиками» (Портрет В. С. Мамонтовой), 1887.

¹³ А. Н. Самохвалов, «Девушка в футболке», 1932.

¹⁴ С. Ю. Судейкин, «Портрет Веры Судейкиной» (позднее мадам Стравинской), около 1920.

– Примус, тебе нет равных в искусстве развешивания лапши по нежным ушкам. Откуда в тебе столько всего, а? Девочку с персиками и девушку в футболке я знаю. Что за портрет Веры?

– Просто я очень тянулся и тянусь к знаниям. И частенько торчал в пустынной школьной библиотеке среди никому не интересных фолиантов, полученных по разнарядке. А память у меня цепкая. А портрет Веры – точная копия нашей Нилки. Хотя и написан в 1920 году. Эдакая задорная женщина-вамп. Осколок Серебряного века, покрытый пылью неореализма. Впрочем, Судейкин – прежде всего театральный художник, а вовсе...

– Значит, все удостоились портретов, и только у меня нет лица? – наигранно-обиженно перебила его Полина.

– В этом-то и прелесть, милочка! Просто ты не понимаешь этого. Ты безвидна и пуста, и только Дух Божий носится над водою...

Не будь тон этой беседы так обоюдно-ироничен, не будь Полина так сыта и беспричинно-довольна... Открой она глаза, увидь она, каков Примус и как он смотрит на неё, не будь для неё совершенно не важны слова Примуса... Не, не, не. Не сотвори Бог небо и землю...

Главное – вода, чтобы помыть руки после арбузов, нашлась. В той же машине. В таких же, как из-под борща, бидонах. Всё та же жёсткая, солёная татарбунарская вода. Нила зачерпывала ковшиком и поливала подружкам на руки. Пока девушки посещали недалёкую посадку, парни, раздевшись по пояс, обливались этой самой водой.

– Эх! Я бы тоже так сейчас! – завистливо вздохнула Первая Ольга. – Везёт им! Всё уже чешется от этих проклятых помидоров.

– Девочки, вы на меня не обижаетесь? – спросила Полина у товарок.

– Ой, да что на тебя обижаться? Дитя подземелья! – расхохоталась Вторая Ольга. – Кто же обижается на боевого товарища, потерпевшего ранение!

– Я, честно говоря, в какой-то момент тоже думала, что в обморок шлёпнусь. А потом ничего – второе дыхание открылось, – задумчиво сказала Нила. Она как раз размышляла над тем, что удивительно – но факт! Ей, городской девочке, вдруг оказались в такой кайф эти сельскохозяйственные работы, что кому расскажи – не поверят. А то и того хуже – засмеют! Честно говоря, эти самые помидоры и тёплый степной дух – это просто-таки то, для чего она рождена!

Забегая вперёд, скажем, что Нила собрала невероятное количество краснопуzych. А также перцев и синих. Превысив нормы, ожидаемые от городской девчонки – вчерашней школьницы, – в десятки, если не сотни раз. Не Нила оказалась, а какой-то механизированный агрегат. Вот вам и «Портрет Веры». Даже Первую Ольгу, весьма последовательную и упёртую, она на любом поле опережала с ходу. При этом не утрачивая способности шутить, успевая ухаживать за окружающими и сохраняя неизменно жизнерадостно-деловито-услужливое выражение своего несколько кошачьего лица. На третьем месте по работоспособности в этом девическом квартете была Ольга Вторая из Кривого Рога. И в самом хвосте, замыкающей, плелась звеньевая Полина Романова. У неё даже какие-то там бумажки заполнять ни сил, ни соображения не хватало. Подсчитывал ящики и прочее, предписанное подрядом к учёту, всё тот же Вадим Коротков, добровольно принявший на себя роль сильного и мудрого взрослого опекуна при слабоумненькой юной особе.

После чудесного обеда та же бортовая машина отвезла их на поле.

Подряд – не колхоз. Как потопаешь, так и полопаешь. К бараку ребят привезли в десятом часу вечера. Учитывая, что муки совести за бесцельно пролёжанную в посадке первую половину первого рабочего дня толкали Полину после обеда на трудовые подвиги – ну, уж на какие способна, но по-честному! – ей хотелось только и только одного: упасть мордой в подушку поверх одеяла как есть. Не снимая замызганного костюма, не разувая истрёпанных замурзан-

ных кроссовок, не умываясь (какой уж там подмываться!) – и спать, и спать, и спать! В голове полушёпотом роились обрывки полурассказов-полусказок из детства. Бабушка, дедушка и их малолетние дети долго-долго едут в теплушке в Узбекистан. «Бабушка, а зачем вы поехали в Узбекистан? Вы же русские! Вы думали, там теплее, чем в России?» Маленькая Полина Романова знала, что бабушка и дедушка у неё «из России». В детском её сознании Одесса вполне умещалась в России, поэтому она не спрашивала, где именно в России жили её бабушка и дедушка. «Кто-то раскопал, детка, что я происхожу из средней руки дворянского рода, что у моего отца был доходный дом в Москве, и имение на Волге, и конный завод... А дед – хоть и чекист был, но юный дурак – спас меня, все документы уничтожил. Влюбился-женился. Твой дед, детка, на пять лет меня моложе. Сейчас не скажешь, правда?» – тихо смеялась бабушка. Полине и бабушка и дедушка казались одинаково старыми бабушкой и дедушкой, и потому поверить в то, что бабушка старше дедушки на такой чудовищно бесконечный срок, она не могла. Ей самой было пять. А некоторым соседским мальчишкам – по десять. И они были намного! Намного-намного-намного старше её! Десять минус пять – на целую жизнь! Значит, бабушка старше дедушки на целую жизнь?! Как-то рядом с такой чудовищностью летоисчислений и числовычитаний странный неведомый Узбекистан со всей дворянской какой-то и вовсе уж фантастической предысторией отходили на второй план. Разве бабушке не стыдно было быть дворянской дочерью? Наверное, стыдно. Потому она и рассказывает это только на ночь, только шёпотом и только маленькой Поленьке, потому что все маленькие – глупые. Бабушкин голос журчал и журчал. Она сидела на кровати рядом с Поленькой в Большой Комнате бабушкиного-дедушкиного дома и рассказывала, рассказывала, рассказывала... О том, что когда она была в Поленькином возрасте, то на большом красивом пароходе переходила океан и была – страшно представить! – в самой Америке. Там же капиталисты, безработные, на улицах стреляют, и вообще – угнетают негров и прочий трудовой народ! А бабушка, такая маленькая, как сейчас Поленька, прогуливалась по верхней палубе, а бонна держала над её головкой огромный белый кружевной зонт от солнца. И как потом они с дедом, уже взрослые, ехали и ехали в Узбекистан в теплушке. Как младшая сестра Полиной мамы заболела корью. А у бабушки кончилось молоко. «А разве нельзя было пойти в магазин и купить?» – сквозь сон бурчала на неразумную бабушку Поленька. «Нет, детка!» – почему-то смеялась бабушка, хотя девочка чувствовала общую минорную тональность бабушкиных рассказов. Поленька не знала – угадывала, – что бабушка рассказывает на самом деле не ей, а самой себе. А потом они приехали в этот самый Узбекистан. И какие там хорошие оказались люди. Как не сердились на старших их с дедом детей за то, что те воровали персики в садах. А наоборот – подкармливали. Приносили вкусный урюк... Урюк Поленьке отчего-то представлялся изюмом, больно уж сухое, скрюченное слово – «урюк», – она ещё долго-долго после этого путала названия. Бабушка рассказывала, как им с дедом пришлось даже сдать Поленькину маму на некоторое время в детский дом. Потому что в детском доме хоть кормили. Сдали, чтобы выжить, ну да разве ребёнку такое объяснишь? Рассказывала, как они виноваты перед Поленькиной мамой, потому что ребёнку ничего не объяснишь и не надо даже пытаться. Даже когда ребёнку уже самому много лет. Вина – она вина и есть. И никакие индульгенции про «выжить» никогда не помогут бабушке... Поленьке было неинтересно про «детский дом», про «выжить» и про «вину», и про какие-то совсем уж непонятные «индульгенции», потому она капризно просила бабушку: «Расскажи ещё про то, как тётю Любу укусил скорпион!» Маленькая Поленька очень любила истории про тётю Любу. Тётю Любу в Узбекистане всё время кто-то кусал. То скорпионы, то каракурты, то какие-то змеи. И героическая тётя Люба всё время выживала и выживала, выживала и выживала, и никакие гады ей были нипочём! Совершенно героическая тётка! Вот бы и ей так! Бабушка быстро рассказывала любимые Поленькины истории про тётю Любу – и снова начинала рассказывать себе, как тяжело быть русским в Узбекистане. Потому что не все люди такие хорошие, как непосредственно рядом живущие соседи. И о том, как тяжело быть русским

учителем в узбекской школе, куда никто не хочет сдавать детей, где дети не хотят говорить по-русски и учить математику и физику. И как однажды русский учитель может оказаться ранним утром на холодной горе в завязанном мешке, на первый раз живой. И как тяжело собирать хлопок, а хлопок должны собирать все. Даже русские дочери русских дворянок средней руки, имевших доходный дом в Москве, имение на Волге и конный завод. . . Они же – дочери чекиста. Такие вот странные дворянско-чекистские дочери. Странные гибриды, появившиеся на свет в результате попытки навязать населению шестой части суши сон золотой, обернувшийся кровавой невыносимой явью. Вынесенной. Выжитой. Слушай, внученька, сказки! Иногда бабушка вдруг внезапно хохотала своим красивым низким голосом и начинала говорить чуть громче, чем обычно, что-то странное:

– Мыть палубу! Розовая мечта моей молодости! Ещё в детстве видела я, как матрос лил воду из большого шланга, а другой тёр палубу жёсткой, косо срезанной щёткой на длинной палке. Мне подумалось тогда, что веселее ничего быть не может. С тех пор я узнала, что есть много повеселее, но эти быстрые крепкие брызги бьющей по белым доскам струи, твёрдая, невиданная щётка, бодрая деловитость матросов – тот, кто тёр щёткой, приговаривал: «гэп! гэп!» – осталось чудесной, радостной картиной в долгой памяти. Вот стояла я голубоглазой девочкой с белокурыми косичками, смотрела благоговейно на эту морскую игру и завидовала, что никогда в жизни не даст мне судьба этой радости. Но добрая судьба пожалеет бедную девочку. Долго томила её на свете, однако желания её не забыла. Устроила войну, революцию, перевернула всё вверх дном и вот наконец нашла возможность – сунуть в руки косую щётку и гонит на палубу. Наконец-то! Спасибо, милая¹⁵.

Закончив говорить что-то странное, бабушка уже не смеялась, а утирала слёзы, выступившие в уголках глаз.

- Бабушка, ты про что? – недоумеая, спрашивала маленькая Поленька.
- Это не я. Это Надежда Александровна Лохвицкая.

Про что там какая-то Лохвицкая, маленькой Поленьке было не так интересно, как про собственную бабушку, и потому она просила её рассказать ещё про Узбекистан. И бабушка рассказывала снова тихим, журчащим голосом про то, как прекрасно бывает умыться из арыка. . . «О боги, боги! Зачем вы придумали хлопок?» – шептала бабушка уже совсем спящей Поленьке. Палящее солнце, баи в чайханах, батраки в поле. Русские в поле. Русские дети русских – в поле. Батраки. А детдомовских в поле на хлопок не гоняли. И какое это счастье – ледяная вода арыка. . .

– Так! Что за лежбище?! А ну быстро все повставали!!! – звонкий голос Нилы вырвал Полин краткий усталый сон из подушки бывшего туберкулёзного санатория.

Обе Ольги, похоже, тоже не разделяли вечернего энтузиазма бойкой Неонилой.

- Встали, присели, потяну-у-улись! Я заварила чай! Быстро пьём и начинаем заниматься санитарно-гигиеническими и хозяйственными процедурами!
- Я не хочу этого чая. Он отвратителен! – заныла Полина.
- Не хочешь чая? Драй палубу! – с этими словами Нила всунула Полине растрёпанный веник.

¹⁵ Тэффи. «Воспоминания».

– Подметать? Сейчас? Ночь на дворе... – Поля с ужасом посмотрела на Нилу. Затем с не меньшим – на веник.

– Если не подметать каждый раз «сейчас», то можно по уши утонуть в говне. Поверь мне! Я живу в коммунальной квартире с немного не от мира сего – в том, что касается домашнего хозяйства, – мамашей. И парой старушек-маразматичек. День уборки минус – два ведра говна плюс. Давай-давай! Кроме того, это дисциплинирует!

– Девочки, так воды хочется! Обыкновенной пресной воды! – занюнила Вторая Ольга.

– Я согласна с Нилой! Хотя видит бог, как я устала и как я понимаю Полину и Ольгу Вторую. Но если мы распустимся, то действительно – привет! Мы превратимся в засранок-развалюх. Надо что-то придумать. Какое-нибудь эдакое слово чести. Меня папа так учил делать. Обычно помогает. Папа говорил, что главное для человека – самоуважение. Вот! Давайте вслух все вместе произнесём: «Если я сегодня не постираю носки – я не буду себя уважать!» Давайте, давайте! Хором!

– Если я сегодня не постираю носки – я не буду себя уважать! – нестройно протянули девушки.

– Если я сегодня не почищу зубы – я не буду себя уважать! – бодро подхватила Нила инициативу Первой Ольги.

– Если я сегодня не помою задницу... – начала подхихикивать Вторая Ольга.

– ...то завтра она слипнется! – захохотала Нила.

– Если я сегодня не сдохну, то торжественно клянусь завтра утром выйти к страшному жёлобу затемно и помыться холодной водой во всех труднодоступных местах! – развеселилась Поля.

Как ни странно, дурашливое поведение придало им сил. Они подмели комнату, протёрли подоконник, вымыли чашки, постирали у всё того же пресловутого жёлоба носки. Насколько смогли – очистили обувь. Отдраили зубы. И все вчетвером, уже без сопровождения, посетили белёный вонючий каземат без дверей.

– Оля, – шепнула Полина Первой Ольге, к которой чувствовала более выраженное расположение, нежели к прочим девушкам. Видимо, именно в ней концентрировалось то главное, чего не доставало самой Полине, – целеустремлённость и умение доводить начатое до самого настоящего конца. Может, и не поэтому. А потому, почему люди чувствуют дружеское расположение друг к другу – без «почему». Ни от чего. Вроде и более достойные объекты есть, но сердцу-то ведь не прикажешь! – Оля, я стесняюсь спросить, но... – Полина пыталась подобрать достойные слова. Но она как-то никогда и ни с кем о таком не говорила. Во всяком случае, в относительно взрослом возрасте, когда люди уже научаются решать подобные дела самостоятельно.

– Я знаю, о чём ты хочешь спросить, – шепнула та в ответ. – У меня та же проблема, что и у тебя. Насколько я успела заметить. Я только порадовалась за наших подруг, но у меня тоже не получается то самое вот так вот. Вот тут вот. Без дверей. По маленькому ещё ладно. А вот...

– Да. Девки – молотки. Никаких рефлексий. А мне кажется, что если я... Во-первых, при этом же бывают звуки. А вдруг там, за стеной, по соседству, сидит тот же Коротков. А тут я ка-а-ак бабахну!

Обе девушки рассмеялись.

– Или как представляю себе, что такой весь умный Тарас или Примус, набитый цитатами из классики выше крыши, сидит сейчас там же, неподалёку, размышляя о живописи или изобретении спасительной вакцины от всего, и вот с таким же умным видом...

Их настиг вовсе уж истерический хохот.

Согласитесь, странные девушки. Кто же о таком говорит? А ещё студентки. Дочери интеллигентных родителей. Поколение, уже не знавшее, слава богам, ни теплушек, ни ссылок. Поколение, уже не знавшее, слава Советам, ни Америк, ни Швейцарии, ни бонн, ни гувернанток. Поколение, не знавшее историю ни по учебникам – потому что все учебники истории врут, ни по рассказам бабушек-дедушек. Потому что те позволяли себе в лучшем случае шёпотом, на ночь – и то в виде сказок. А то и вовсе ничего себе не позволяли, потому что не о чем. Поколение, воспитанное на официальных политических песнях, около-диссидентских кухонных трёпах. Поколение домашних комсомолочек, не умеющее толком ни подмыться, ни просрать в условиях, чуть отличных от квартирных, простите автору грубость. Он сам из этого поколения – и посему на эту грубость имеет полное право.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.